

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

РОБЕРТ ХАРРИС

МЮНХЕН

Настоящий мастер
на пике своего
творчества...

Mail on Sunday

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Звезды мирового детектива

Роберт Харрис

Мюнхен

«Азбука-Аттикус»

2017

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Харрис Р.

Мюнхен / Р. Харрис — «Азбука-Аттикус», 2017 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-16786-5

1938 год. Германия не готова к войне, но Гитлер намерен захватить Чехословакию. Великобритания не готова к войне, но обязана выступить вместе с Францией в защиту чехов. Премьер-министр Чемберлен добивается от Гитлера согласия на встречу, надеясь достичь компромисса. Хью Легат – восходящая звезда британской дипломатии, личный секретарь Чемберлена. Пауль фон Хартманн – сотрудник германского МИДа и участник антигитлеровского заговора. Эти люди дружили, когда в 1920-х учились в Оксфорде, но с тех пор не имели контактов. И вот теперь им предстоит встреча в Мюнхене. Один отправляется туда, чтобы любой ценой предотвратить новую мировую войну, другой – чтобы развязать ее немедленно. Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-16786-5

© Харрис Р., 2017
© Азбука-Аттикус, 2017

Содержание

День первый	6
1	6
2	16
3	20
4	30
5	35
6	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Роберт Харрис Мюнхен

**Robert Harris
MUNICH**

© А. Л. Яковлев, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

* * *

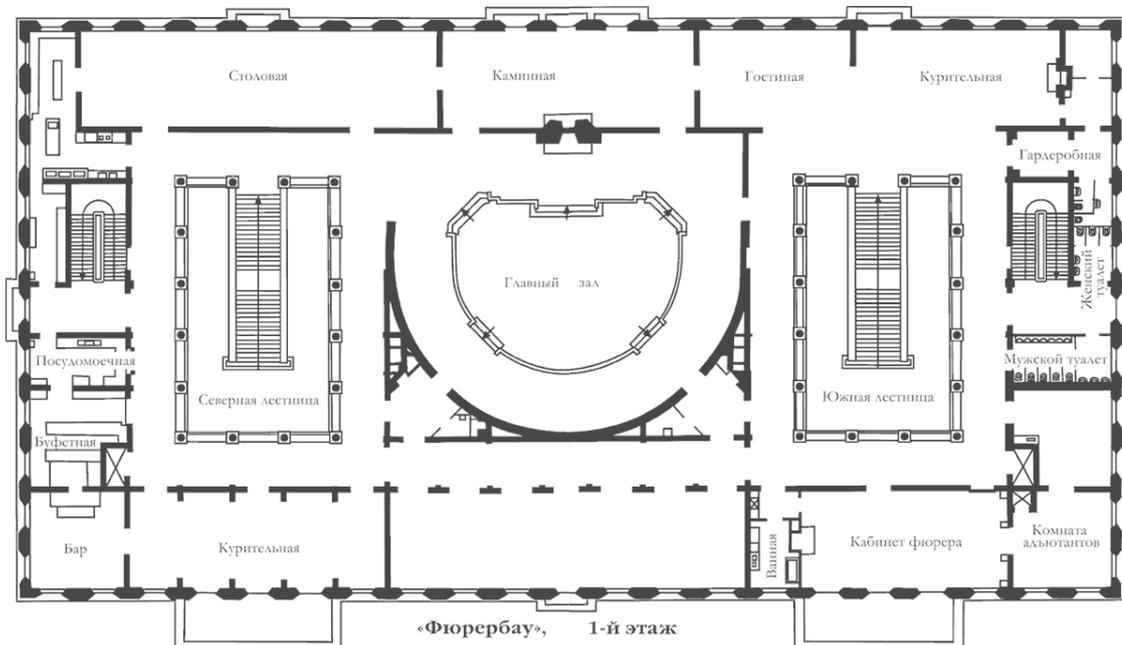
Посвящается Матильде

Нам нельзя забывать: то, что ныне является прошлым, некогда лежало в будущем.

Ф. У. Мейтленд, историк

Нам следовало начать войну в 1938 году... Сентябрь 1938-го был самым благоприятным временем.

Адольф Гитлер, февраль 1945

День первый

1

Во вторник, 27 сентября 1938 года, без нескольких минут в час пополудни, мистера Хью Легата из дипломатического корпуса его величества проводили за столик рядом с высоким, от пола до потолка, окном ресторана «Риц» в Лондоне. Он заказал полбутылки шампанского «Дом Периньон» урожая 1921 года, бывшего ему не средствам, развернул номер «Таймс» на странице семнадцать и в третий раз принялся перечитывать речь, произнесенную накануне Адольфом Гитлером в берлинском дворце спорта «Шпортпаласт».

ВЫСТУПЛЕНИЕ ГЕРРА ГИТЛЕРА

ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ПРАГЕ

МИР ИЛИ ВОЙНА?

Время от времени Легат поглядывал через обеденный зал на входную дверь. Быть может, ему просто казалось, но гости и даже официанты перемещались по коврам, устилающим пол между стульями с матово-розовой обивкой, с какой-то нехарактерной подавленностью. Никто не смеялся. Неслышимые за толстым листовым стеклом, сорок или пятьдесят рабочих – некоторые по причине духоты разделись по пояс – копали в Грин-парке узкие траншеи.

Во всем мире теперь не должно остаться сомневающихся, что это говорит не один человек, не один вождь, но весь немецкий народ. Я знаю, что в этот самый час весь народ, миллионы людей, соглашаются с каждым моим словом. (Крик «Хайль!».)

Легат слышал эту речь по трансляции Би-би-си. Стальная, суровая, полная жалости к себе и угрозы, хвастливая и впечатляющая на свой жутковатый лад, она сопровождалась ударами ладони Гитлера по трибуне и одобрительным ревом пятнадцати тысяч глоток. Звук был нечеловеческим, неземным. Казалось, он исходит от некой черной подземной реки и изливается через громкоговоритель.

Я благодарен мистеру Чемберлену за все его усилия и заверяю его, что немецкий народ не желает ничего, кроме мира. И заверяю также, и подчеркиваю это сейчас, что, когда данная проблема будет решена, у Германии не останется в Европе никаких территориальных проблем.

Легат взял авторучку и подчеркнул это предложение. Потом проделал то же самое с другим, расположенным несколько выше и касающимся англо-германского морского соглашения.

Подобное соглашение морально оправданно лишь в том случае, если обе нации торжественно обещают никогда снова не вступать в войну друг с другом. У Германии такое стремление есть. Будем надеяться, что сторонники этой точки зрения возьмут верх и среди английского народа.

Молодой человек отложил газету и сверился с карманными часами. Он имел необычную привычку носить время не на руке, а на цепочке. В свои двадцать восемь выглядел он старше: бледное лицо, сдержанные манеры, черный костюм. Легат заказал столик две недели назад, до того, как разразился кризис. И теперь чувствовал себя виноватым. Он даст ей еще пять минут, потом ему придется уйти.

Прошло четверть часа, когда наконец он заметил ее отражение в позолоченных зеркалах на уставленной цветами стене. Она застыла у порога ресторана, в буквальном смысле приподнявшись на цыпочки, и безучастно оглядывалась вокруг, вытянув белую шею и вскинув подбородок. Некоторое время Легат разглядывал ее, как если бы то была незнакомка, и размышлял, как, черт побери, могли бы складываться их отношения, не будь она его женой. «Великолепная фигура», – говорят о таких. «Не красавица, если начистоту». – «Нет, но симпатичная». – «Памела из тех, кого называют породистыми». – «Да, чрезвычайно породистая. И бедняга Хью совершенно ей не пара...»

Этот обмен репликами он подслушал на вечеринке в честь их помолвки. Легат вскинул руку. Встал. Наконец она его заметила, улыбнулась, помахала и двинулась к нему, изящно лавируя между столиками в своей облегающей юбке и приталенном шелковом жакете. Головы сидящих одна за другой поворачивались ей вслед.

Она крепко поцеловала его в губы. Дыхание ее слегка сбилось.

Прости, прости, прости...

– Пустяки. Я только что пришел.

За минувшие полтора с лишним года он научился не спрашивать, где она была. Наряду с сумочкой, при ней имелась картонная коробочка. Памела поставила ее на стол перед мужем и стянула перчатки.

– Мне кажется, мы договорились, что подарков не будет?

Он поднял крышку. На него смотрели черный резиновый череп, металлизированный хобот и пустые стеклянные глазницы противогаза. Хью отпрянул.

– Водила детей на примерку. Само собой, я заказала сначала для них – разве это не доказательство материнской заботливости? – Она закурила сигарету. – Нельзя ли чего-нибудь выпить? У меня в горле пересохло.

Он махнул официанту.

– Всего полбутылки?

– Мне работать вечером.

– Ну разумеется! Я вообще не была уверена, что ты придешь.

– Если честно, я и не пришел бы. Пытался дозвониться, но тебя не было дома.

– Ну, теперь ты знаешь, где я была. Вполне невинное объяснение. – Памела улыбнулась и наклонилась к мужу. Они чокнулись. – С годовщиной, дорогой.

Рабочие во дворе махали кирками.

Заказ она сделала быстро, даже не заглянув в меню: никаких закусок, дуврский палтус без кости, салат из зелени. Легат отложил свое меню и сказал, чтобы ему подали то же самое. Есть не хотелось: никак не удавалось отогнать образы детей в противогазах. Джону исполнилось три годика, Диане – два. Бесконечные наказания: не бегай слишком быстро, закутайся потеплее, не бери в рот игрушки или мелки. Никогда не знаешь, куда они залезут. Он сунул коробку под стол и задвинул ногой подальше.

– Они сильно напугались примерки?

– Да нет, конечно. Им кажется, все это игра.

– Знаешь, мне иногда тоже так кажется. Даже когда читаешь телеграммы, трудно принять это за что-то иное, кроме как за дурацкий розыгрыш. Неделю назад создавалось впечатление, что все урегулировано. А потом Гитлер взял и передумал.

– И что теперь будет?

– Кто знает? Быть может, ничего. – Хью чувствовал себя обязанным изображать оптимизм. – В Берлине все еще идут переговоры. По крайней мере, шли, когда я уходил из конторы.

– А если не договорятся – когда все начнется?

Легат указал на заголовок в «Таймс» и пожал плечами:

– Завтра, полагаю.

– Правда? Так скоро?

– Он заявил, что пересечет чехословацкую границу в субботу. Наши военные эксперты считают, что ему потребуется три дня для вывода на позиции танков и артиллерии. Отсюда следует, что мобилизацию Гитлер должен объявить завтра. – Молодой человек бросил газету на стол и отпил шампанского, которое показалось ему кислым. – Вот что я тебе скажу: давай сменим тему.

Он извлек из кармана пиджака коробочку для кольца.

– Ах, Хью!

– Оно будет великовато, – предупредил Легат.

– Ой, как красиво! – Памела надела кольцо на палец, подняла ладонь и стала вертеть ею перед подсвечником, чтобы синий камень заиграл на свету. – Ты просто чудо! А мне казалось, у нас нет денег...

– И правда нет. Это моей матери.

Он опасался, что подарок сочтут дешевкой, но, к его удивлению, жена протянула руку через стол и положила ему на ладонь.

– Ты такой милый.

Ее кожа была прохладной. Тонкий палец скользнул по его запястью.

– Вот бы нам снять номер и провести в постели весь вечер, – выпалил вдруг Хью. – Забыть про Гитлера. Забыть про детей.

– Так почему бы тебе это не устроить? Мы ведь тут – и что нас останавливает?

Она не отводила взгляда больших серо-голубых глаз, и он с внезапным озарением, от которого перехватило в горле, понял: жена говорит так только потому, что знает – этого никогда не будет.

За его спиной кто-то деликатно кашлянул:

– Мистер Легат?

Памела убрала руку. Хью обернулся и обнаружил метрдотеля. Тот, полный сознания собственной значимости, почти молитвенно сложил руки.

– Да?

– Даунинг-стрит десять на линии, сэр.

Метрдотель намеренно произнес фразу достаточно громко, чтобы ее услышали за соседними столиками.

– Черт! – Легат встал и бросил салфетку. – Ты меня извинишь? Я должен ответить.

– Я понимаю. Ступай и спаси мир. – Она помахала ему на прощание и стала собирать вещи в сумочку. – Пообедаем как-нибудь в другой раз.

– Дай мне буквально минуту. – В его голосе читалась мольба. – Нам действительно нужно поговорить.

– Иди.

Хью помедлил секунду, понимая, что все вокруг на него смотрят.

– Дождись меня, – сказал он и, приняв, как ему казалось, совершенно невозмутимый вид, проследовал за метрдотелем из зала ресторана в коридор.

– Полагаю, вы предпочтете уединиться, сэр. – Служитель отворил дверь в маленький кабинет.

На столе стоял телефон, рядом с ним лежала трубка.

– Спасибо. – Молодой человек поднял трубку, выждал, пока дверь закроется, и только потом произнес: – Легат.

– Простите, Хью. – Он узнал голос Сесила Сайерса, своего коллеги по личному секретариату. – Боюсь, вам нужно вернуться сию же минуту. Становится жарковато. Клеверли вас искал.

– Что-то случилось?

На другом конце провода произошла заминка. Личных секретарей постоянно уверяли в том, что телефонисты слушают разговоры.

– Похоже, переговоры кончились. Наш человек возвращается домой.

– Ясно. Уже иду.

Легат положил трубку на рычаг и с минуту стоял как парализованный. Неужели вот так творится История? Германия нападет на Чехословакию. Франция объявит войну Германии. Британия поддержит Францию. Его дети будут носить противогазы. Обедающие из «Рица» оставят крытые белыми скатертями столики, чтобы прятаться в траншеях в Грин-парке. Воображать все это было невыносимо.

Хью открыл дверь, торопливо пересек коридор и вошел в ресторан. Однако персонал «Рица» был вышколен настолько, что их столик уже оказался убраннным.

Такси на Пикадилли было не поймать. Хью прыгал вперед-назад через ливневую канализацию, махая свернутой в трубочку газетой, в тщетной надежде остановить хоть какую-нибудь из проезжающих машин. Наконец он отчаялся, свернул за угол на Сент-Джеймс-стрит и зашагал вверх по улице. Время от времени он бросал взгляды на противоположную ее сторону в расчете увидеть жену. Куда она умчалась в такой спешке? Если прямо домой, в Вестминстер, то она проедет именно здесь. Нет, лучше не думать об этом, лучше не думать. Было не по сезону жарко, и Легат уже вспотел. Рубашка, упрятанная под старомодную тройку, липла к спине. Пасмурное небо грозило дождем, но тот все никак не мог пролиться. Вдоль всей Пэлл-Мэлл из высоких окон знаменитых лондонских клубов – Королевского автомобильного, «Реформ» и «Атенеум» – уже лился в душный полумрак свет люстр.

Только у лестницы, ведущей вниз от Карлтон-Хаус-террас к Сент-Джеймскому парку, Хью замедлил шаг. Путь ему преградила толпа из двух десятков людей, молча наблюдающих, как из-за здания парламента медленно поднимается небольшой аэростат. Летательный аппарат проплыл мимо Биг-Бена. Зрелище было странное и красивое – величественное, сверхъестественное. Вдалеке Хью разглядел еще штук пять таких же аппаратов, взмывающих в небо с южной стороны от Темзы: маленькие серебристые торпеды, иные из которых набрали уже тысячи футов высоты.

– Похоже, можно уже сказать, что шарики слетели, – раздался голос совсем рядом.

Легат повернулся. Вспомнилось, как отец, приехав на побывку с фронта Великой войны, употребил это самое выражение. Он-де вынужден вернуться во Францию, потому что «шарик слетел». Для ушей шестилетнего Хью это прозвучало так, как будто папа собирается на вечеринку.

Это был последний раз, когда он видел отца.

Хью протолкался среди зевак и помчался вниз по трем пролетам широких ступеней, через Мэлл на Хорс-Гардс-роуд. За полчаса, истекшие с момента его ухода, там кое-что изменилось. Посреди широкого рыжего пространства плаца появилась пара зенитных орудий. Солдаты разгружали с платформы грузовика мешки с песком. Работали они быстро, словно опасаясь в любой момент налета люфтваффе, и передавали мешки по цепочке. Защитная стена росла вокруг батареи прожекторов. Один из зенитчиков яростно крутил колесико, ствол орудия поворачивался и задирался, пока не принял почти вертикальное положение.

Легат вытащил большой белый носовой платок и утер лицо. Не хотелось бы входить раскрасневшимся и в испарине. Если и был грех, который почитался в личном секретариате совершенно непростительным, так это появление впопыхах.

Он поднялся по ступенькам на узкую, затененную, покрытую копотью Даунинг-стрит. Кучка репортеров на мостовой напротив дома номер десять провожала его глазами. Фотограф

поднял камеру, но, заметив, что птица не из важных, снова опустил. Легат кивнул полисмену, и тот один раз с силой ударил молоточком. Дверь открылась как будто сама по себе. Хью вошел.

Четыре месяца прошло с того дня, как его откомандировали из Форин-офис¹ в номер десять, но всякий раз он испытывал одно и то же ощущение – как если бы попал в некий вышедший из моды клуб для джентльменов. Устланный черной и белой плиткой коридор, красно-оранжевые стены, бронзовый светильник, мерно тикающие прадедовские часы, чугунная подставка с единственным зонтом.

Где-то в недрах здания звонил телефон. Швейцар поздоровался с Легатом и вернулся к своему кожаному стулу и выпуску «Ивнинг стандарт».

В широком проходе, ведущем к задним комнатам, Легат помедлил и посмотрел на себя в зеркало. Поправил галстук и пригладил обеими руками волосы, выровнял осанку, повернулся. Перед ним располагался зал заседаний кабинета министров, его обшитая панелями дверь была закрыта. Слева находился кабинет сэра Хораса Уилсона, тоже запертый. Направо уходил коридор, ведущий в помещение для личных секретарей премьер-министра. В старинном георгианском доме царил атмосфера невозмутимого спокойствия.

Мисс Уотсон, делившая с Хью самый маленький кабинет, склонялась над столом совершенно так же, как в ту минуту, когда он выходил. Из-за бруствера папок виднелась только ее седая макушка. Карьеру она начинала секретарем-машинисткой в бытность премьер-министром Ллойд-Джорджа. Поговаривали, что у него имелась привычка гоняться за девушками с Даунинг-стрит вокруг стола заседаний правительства. Хью с трудом удавалось представить, чтобы кто-то мог гоняться за мисс Уотсон. В ее обязанности входило готовить ответы на запросы из парламента. Она выглянула из-за своей бумажной баррикады и посмотрела на Легата.

– Клеверли вас искал.

– Он у ПМ?

– Нет, у себя. Премьер в зале заседаний вместе с Большой тройкой.

Легат издал звук, бывший чем-то средним между вздохом и стоном. На полпути по коридору он просунул голову в кабинет Сайерса.

– Итак, Сесил, насколько крепко я влип?

Сайерс крутанулся в кресле. Это был коротышка семью годами старше Легата, склонный к постоянной, безудержной и зачастую раздражающей веселости. Он носил галстук одного с Хью колледжа.

– Боюсь, для романтического обеда вы выбрали несколько неподходящий день, старина. – Голос его излучал сочувствие. – Надеюсь, она не сильно обиделась.

Однажды в приступе слабости Легат обмолвился Сайерсу о домашних проблемах. И не переставал об этом жалеть.

– Ничуть. Стоим на ровном киле. Как дела в Берлине?

– Их можно свести к одной из тирад герра Гитлера. – Сайерс изобразил удар кулаком по подлокотнику кресла. – Ich werde die Tschechen zerschlagen!

– О боже! «Я сокрушу чехов!»

По коридору прокатился командирский голос:

– А, Легат, вот вы где!

– Удачи, – одними губами произнес Сайерс.

Легат шагнул назад, развернулся и почти уткнулся в длинную усатую физиономию Осмунда Сомерса Клеверли, по совершенно непонятной причине известного всем как Оскар. Главный личный секретарь премьер-министра поманил его пальцем. Легат последовал за начальником в кабинет.

¹ Форин-офис – министерство иностранных дел Великобритании.

– Вынужден сказать, что разочарован в вас, Легат, и более чем немного удивлен. – Клеверли был старше большинства из сослуживцев и до войны являлся кадровым офицером. – Обед в «Рице» в разгар международного кризиса? Возможно, в Форин-офис так принято, но не у нас.

– Виноват, сэра. Больше такого не повторится.

– У вас имеется объяснение?

– Сегодня годовщина моей свадьбы. Я не смог дозвониться до жены и поэтому не отменил заказ на столик.

Несколько секунд Клеверли пристально смотрел на него. Он не скрывал своего подозрительного отношения к этим блестящим молодым людям из казначейства или Министерства иностранных дел, никогда не носившим мундира.

– Бывают времена, когда семья должна отойти для мужчины на второй план. Сейчас как раз такое время. – Главный личный секретарь сел за стол и включил лампу.

Эта часть здания выходила окнами на север, на сад Даунинг-стрит. Разросшиеся без стрижки деревья закрывали дом от плац-парада конной гвардии и обречали первый этаж на жизнь в постоянном полумраке.

– Сайерс ввел вас в курс дела?

– Да, сэра, – ответил молодой человек. – Насколько я понял, переговоры прерваны.

– Гитлер заявил о намерении начать мобилизацию завтра в два пополудни. Боюсь, это предвещает большую заваруху. Сэр Хорас должен вернуться и попасть к премьеру на доклад к пяти. В восемь премьер обратится к нации по радио. Вы должны наладить взаимодействие с Би-би-си. Они собираются установить свой аппарат в зале заседаний.

– Да, сэра.

– На сегодня же намечено общее собрание кабинета, вероятно сразу после трансляции, а поэтому инженерам Би-би-си придется свернуться незамедлительно. Затем премьер намерен встретиться с верховными комиссарами доминионов. Главы штабов должны прибыть с минуты на минуту – проводите их к премьеру, как только приедут. Ведите записи о встрече, чтобы премьер мог коротко сообщить про нее кабинету.

– Да, сэра.

– Парламент снова созывается, как вам известно. Шеф собирается выступить перед палатой общин о кризисе завтра ближе к вечеру. Разложите все относящиеся к делу записки и телеграммы за последние две недели в хронологическом порядке.

– Да, сэра.

– Боюсь, не исключено, что вам придется остаться на ночь. – Под усами Клеверли промелькнул призрак усмешки. Он напомнил Легату мускулистого христианина, инструктора по физкультуре из младших классов частной школы. – Сожалею насчет вашей годовщины, но тут уж ничего не поделаешь. Уверен, ваша жена поймет. Спать можете в комнате дежурного клерка на третьем этаже.

– Это все?

– Все. Пока.

Клеверли нацепил очки и погрузился в изучение какого-то документа.

Вернувшись в свой кабинет, Легат тяжело опустился за стол. Открыл ящик, взял флакон с чернилами и погрузил в него перо. Он не привык к выволочкам. Чертов Клеверли! Рука его слегка дрогнула, и перо звякнуло о стеклянный край флакона. Мисс Уотсон вздохнула, но головы не подняла.

Хью потянулся к проволочному лотку слева от стола и взял папку с телеграммами, недавно поступившими из Форин-офис. Но не успел он развязать розовую тесемку, как в дверях появился сержант Рен, служивший на Даунинг-стрит посыльным. Как всегда, Рен запыхался – на войне он лишился ноги.

– Начальник Имперского генерального штаба прибыл, сэр.

Легат пошел по коридору вслед за хромающим сержантом. Вдалеке под бронзовым светильником стоял виконт Горт, широко расставив ноги, обутые в начищенные до блеска коричневые сапоги, и читал телеграмму. Важная особа – аристократ, герой войны, кавалер Креста Виктории, он словно не замечал клерков, секретарей и машинисток, которые обнаружили ни с того ни с сего настоятельную потребность выйти в коридор и поглазеть на гостя. Главная дверь распахнулась в каскаде вспышек фотокамер, и вошел маршал авиации Ньюолл. Секундой спустя на пороге обрисовалась внушительная фигура первого морского лорда адмирала Бэкхауза.

– Не соблаговолите ли пройти со мной, джентльмены? – сказал Легат.

Пока они шли, до него донеслась реплика Горта:

– Дафф будет?

– Нет, – ответил Бэкхауз. – ПМ думает, что он может слить Уинстону.

– Будьте любезны подождать здесь, – попросил Хью.

Под защитой двойных дверей, зал заседаний был звуконепроницаем. Легат открыл внешнюю и осторожно постучался во внутреннюю.

Премьер-министр сидел спиной к входу. Лицом к нему, на другом конце длинного стола, располагались министр иностранных дел Галифакс, канцлер казначейства Саймон и министр внутренних дел Хор. Все трое подняли глаза на входящего. В комнате царила полная тишина, если не считать тиканья часов.

– Простите, премьер-министр. Главы штабов здесь, – доложил Легат.

Чемберлен не обернулся. Он широко расставил руки, опираясь на стол, как будто собиравшись сдвинуть кресло, чтобы встать. Указательные пальцы мерно отбивали дробь по отполированной поверхности.

– Хорошо, – произнес премьер спустя некоторое время своим четким, назидательным, как у старой девы, голосом. – Давайте встретимся снова после возвращения Хораса. Послушаем, что он нам еще скажет.

Министры собрали бумаги – применительно к Галифаксу, чья сухая левая рука бесполезно свисала, больше подошло бы слово «сгрести» – и молча встали. То были мужчины в возрасте от пятидесяти до шестидесяти, Большая тройка на пике своего могущества, производившая впечатление скорее сановитостью, нежели физическими параметрами. Легат отступил на шаг, пропуская их. «Они шли, как трое могильщиков, идущих забирать гроб» – так он описал их впоследствии Сайерсу. До него донеслись приветствия, которыми министры обменялись с ожидающими снаружи военными, – приглушенные, угрюмые голоса.

– Прикажете пригласить начальников штабов сейчас, премьер-министр? – тихо спросил Легат.

Не оборачиваясь, Чемберлен смотрел на противоположную стену. Его птичий профиль приобрел вид жесткий, упрямый, даже воинственный.

– Да, конечно, – рассеянно сказал премьер. – Пусть войдут.

Легат расположился за дальним концом стола заседаний, близ поддерживающих потолок дорических колонн. Книжные шкафы выставляли напоказ корешки переплетенных в кожу статутов и серебристо-синие тома «Хансарда»². Главы штабов сложили фуражки на столик у двери и заняли освобожденные министрами кресла. Горт, как старший по должности, расположился в центре. Открыв папки и разложив бумаги, все трое закурили сигареты.

Поверх головы премьера Легат бросил взгляд на стоящие на каминной полке часы, окунул перо в чернильницу и вывел на листе писчей бумаги: «ПМ и ГШ. 14:05».

² «Хансард» – официальное издание стенографических отчетов о заседаниях английского парламента. (Здесь и далее примечания переводчика.)

Чемберлен прочистил горло.

– Итак, джентльмены, боюсь, ситуация ухудшилась. Мы надеялись – и чешское правительство согласилось на это, – что передача Судетской области Германии будет осуществлена цивилизованно, посредством плебисцита. К несчастью, накануне вечером герр Гитлер объявил, что не готов ждать даже неделю и в субботу начинает вторжение. Сэр Хорас Уилсон встречался с ним сегодня утром без свидетелей и очень твердо предупредил, что если Франция сохранит верность союзным обязательствам перед Чехословакией – а у нас есть все основания так полагать, – то и нам не останется иного выбора, кроме как поддержать Францию.

Премьер-министр надел очки и взял телеграмму.

– После привычных разглагольствований и брызганья слюной герр Гитлер, согласно сообщению нашего посла в Берлине, ответил буквально следующее: «Если Франция и Англия нанесут удар, то пускай. Мне это совершенно безразлично. Я готов к любым поворотам. Внесу лишь ясность: сегодня вторник, а к следующему понедельнику мы окажемся в состоянии войны».

Чемберлен отложил телеграмму и сделал глоток воды.

Перо Легата чиркало по плотной бумаге: «ПМ – последние новости из Берлина – разрыв переговоров – бурная реакция герра Гитлера – на следующей неделе мы окажемся в состоянии войны...»

– Разумеется, я продолжу усилия по поиску мирного решения – если таковое существует, – продолжил премьер. – Хотя в данный момент не вижу, что можно сделать. А тем временем, боюсь, нам стоит приготовиться к худшему.

Горт оглядел своих коллег:

– Премьер-министр, мы набросали меморандум. В нем обрисован наш совместный взгляд на военную ситуацию. Позвольте мне зачитать вывод?

Чемберлен кивнул.

– «По нашему мнению, – начал Горт, – никакое давление со стороны Великобритании и Франции посредством морских сил, сухопутных или воздушных не сможет помешать Германии захватить Богемию и нанести решительное поражение Чехословакии. Восстановление территориальной целостности Чехословакии станет возможным лишь в результате продолжительной борьбы, которая с самого своего начала должна будет принять характер неограниченной войны».

Все молчали. Легат отчетливо слышал скрип своего пера, который вдруг показался неестественно громким.

– Это кошмар, которого я всегда опасался, – промолвил наконец Чемберлен. – Ощущение такое, что прошлая война ничему нас не научила и мы заново переживаем август четырнадцатого года. Одна за одной страны мира будут втягиваться в конфликт. И ради чего? Мы уже говорили чехам, что если победим, то их нация в нынешнем ее состоянии существовать не будет. Три с половиной миллиона судетских немцев должны получить право на самоопределение. А посему отделение Судетенланда от Германии не сможет стать целью союзников в войне. Так за что будем мы сражаться?

– За торжество закона? – предположил Горт.

– За торжество закона. Это точно. И если дойдет до края, мы будем драться. Но ей-богу, мне так хочется найти какой-то иной способ уладить эту проблему!

Премьер-министр резко провел рукой по лбу. Старомодный стрельчатый воротник подчеркивал жилистую шею. Лицо Чемберлена было серым от усталости. Усилив воли он принял обычный деловитый тон:

– Какие практические меры необходимо предпринять?

– Согласно уже достигнутой договоренности нам следует немедленно переправить во Францию две дивизии, чтобы продемонстрировать нашу поддержку, – ответил Горт. – На позиции они выйдут спустя три недели, а еще через восемнадцать дней будут готовы вступить в

бой. Однако генерал Гамелен недвусмысленно заявил, что до следующего лета в намерения Франции не может входить ничего более серьезного, кроме как символические удары по Германии. Откровенно говоря, я сомневаюсь, что французы пойдут даже на это. Они останутся за линией Мажино.

– Станут ждать, пока мы не подтянем крупные силы, – добавил Ньюолл.

– Наши ВВС готовы?

Ньюолл сидел с совершенно прямой спиной – узколицый мужчина, тощий как скелет, с седыми усиками.

– Вынужден признать, премьер-министр, – сказал он, – что это самое неподходящее для нас время. На бумаге у нас имеется в составе сил обороны двадцать шесть эскадрилий, но всего шесть из них укомплектованы современными самолетами. Одна «спитфайрами», остальные пять – «харрикейнами».

– Но воевать они могут?

– Некоторые.

– Как это?

– Боюсь, премьер-министр, что у «харрикейнов» есть технические проблемы с пулеметами. На высоте более пятнадцати тысяч футов они замерзают.

– Что вы говорите? – Чемберлен склонился, как будто сомневался, что правильно слышал.

– Мы работаем над решением, но это потребует времени.

– Нет, о чем вы на самом деле говорите, маршал авиации, так это о том, что мы потратили полтора миллиарда на перевооружение, по большей части на воздушные силы, а когда приходит срок, наши самолеты оказываются небоеспособны!

– Наши планы неизменно исходили из предположения, что конфликт с Германией разразится никак не раньше тридцать девятого года.

Премьер-министр снова обратился к начальнику Имперского генерального штаба.

– Лорд Горт, способна ли армия сбить с земли большую часть атакующих самолетов?

– Боюсь, мы с маршалом авиации находимся в одинаковом положении. В нашем распоряжении всего лишь около трети орудий из того числа, которое мы считаем необходимым для обороны Лондона, и большая часть из них – устаревшие реликты прошлой войны. Не хватает и прожекторов. Нет дальномеров и средств связи... Нам тоже нужен еще год на подготовку.

Казалось, уже примерно на половине ответа Чемберлен перестал слушать. Он снова надел очки и стал рыться в бумагах. Атмосфера в помещении сделалась неудобной.

Легат продолжал спокойно записывать, приглаживая неприглядные факты канцелярскими оборотами: «ПМ выразил озабоченность достаточностью средств обороны...» Однако отлаженный механизм его ума пришел в расстройство. Перед мысленным взором Хью снова появились его дети в противогазах.

Чемберлен нашел, что искал.

– По оценке Объединенного разведывательного комитета, к концу первой недели бомбардировок потери в Лондоне составят сто пятьдесят тысяч человек. За два месяца – шестьсот тысяч.

– Едва ли это произойдет немедленно. По нашему предположению, главные бомбовые удары немцы нанесут по чехам.

– А когда разобьют чехов, что потом?

– Мы не знаем. Нам определенно следует начать приготовления и завтра же приступить к эвакуации Лондона.

– Какова готовность флота?

Первый морской лорд, будучи на голову выше остальных присутствующих в комнате, выглядел весьма внушительно. На седой шевелюре образовалась большая плешь, лицо прорезали глубокие морщины, как бывает от слишком продолжительного воздействия стихии.

– Мы испытываем определенный недостаток эскортных кораблей и минных тральщиков. Основные боевые корабли нуждаются в заправке топливом и погрузке боеприпасов; часть экипажей в увольнительных. Нам следует как можно скорее объявить мобилизацию.

– Когда это нужно сделать, чтобы вы были готовы к первому октября?

– Сегодня.

Чемберлен откинулся в кресле. Его указательные пальцы барабанили по столу.

– А это означает, что мы объявим мобилизацию раньше немцев.

– Частичную мобилизацию, премьер-министр. И вот еще что: этот шаг даст Гитлеру понять, что мы не блефуем и, если дойдет до дела, готовы к драке. Быть может, это заставит его задуматься.

– Возможно. А возможно, подтолкнет к войне. Не забывайте: мне дважды приходилось смотреть ему в глаза, и я считаю, что если есть для него нечто совершенно невыносимое, так это потеря лица.

– Но если мы готовы сражаться, разве не важно не оставить у него никаких сомнений на этот счет? Будет ужасно, если Гитлер истолкует ваши отважные визиты и ваши искренние усилия сохранить мир как признак слабости. Не эту ли ошибку совершили немцы в четырнадцатом году? Они сочли, что мы не настроены всерьез.

Чемберлен скрестил руки и воззрился на стол. Легат не брался истолковать, означает ли этот жест отказ от прозвучавшего предположения, или же премьер обдумывает его. Умно со стороны Бэкхауза польстить ему, подумалось Хью. ПМ почти не подвержен слабостям, но, как ни странно для столь скромного человека, главный его грех – это тщеславие.

Часы отсчитывали секунды. Наконец Чемберлен поднял глаза на Бэкхауза и кивнул:

– Хорошо. Мобилизация.

Первый морской лорд потушил окурок и сунул бумаги в папку.

– Мне лучше вернуться в адмиралтейство.

Остальные поднялись за ним, радуясь предлогу сбежать.

– Вы должны быть готовы к совещанию основных министров сегодня вечером, – окликнул их Чемберлен. – Пока же нам следует воздерживаться от действий или заявлений, способных вызвать общественную панику или поставить Гитлера в положение, откуда не будет пути назад. Даже у крайней черты.

После того как начальники штабов вышли, Чемберлен тяжело вздохнул и опустил голову на руки. Бросив косой взгляд, он словно только что заметил Легата.

– Вы вели запись всего этого?

– Да, премьер-министр.

– Уничтожьте ее.

2

На Вильгельмштрассе, в сердце правительственного сектора Берлина, в приземистом трехэтажном здании девятнадцатого века, где размещалось Министерство иностранных дел Германии, Пауль фон Хартманн изучал телеграмму, доставленную ночью из Лондона.

КОНФИДЕНЦИАЛЬНО тчк ЛОНДОН тчк 26 СЕНТЯБРЯ 1938 тчк
ВО ИМЯ НАШЕЙ СТАРОЙ ДРУЖБЫ И ОБЩЕГО СТРЕМЛЕНИЯ К
МИРУ МЕЖДУ НАШИМИ НАРОДАМИ УБЕДИТЕЛЬНО ПРОШУ ВАШЕ
ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО ИСПОЛЬЗОВАТЬ ВАШЕ ВЛИЯНИЕ С ЦЕЛЬЮ
ОТСРОЧИТЬ ПРИНЯТИЕ ОКОНЧАТЕЛЬНОГО РЕШЕНИЯ С ПЕРВОГО
ОКТЯБРЯ НА БОЛЕЕ ПОЗДНЮЮ ДАТУ тчк НУЖНО ВРЕМЯ зпт ЧТОБЫ
ДАТЬ СТРАСТЯМ УЛЕЧЬСЯ И НАЙТИ ВОЗМОЖНОСТИ ПРИЙТИ К
СОГЛАШЕНИЮ В ЧАСТНОСТЯХ тчк
РОТЕРМЕР тчк ЧЕТЫРНАДЦАТЬ зпт СТРАТТОН-ХАУЗ зпт
ПИКАДИЛЛИ зпт ЛОНДОН

Хартманн закурил сигарету и стал думать, какого рода ответ потребуется. За семь месяцев с момента назначения Риббентропа министром иностранных дел ему много раз случалось переводить входящие послания с английского на немецкий, а затем набрасывать черновик ответа от имени министра. Поначалу Пауль усвоил традиционный формальный и нейтральный тон профессионального дипломата. Однако многие из этих ранних попыток были забракованы как недостаточно национал-социалистские. Некоторые возвращались от самого штурмбаннфюрера СС Зауэра, состоящего в штате у Риббентропа, перечеркнутые жирной черной линией. Паулю пришлось признать, что, если он намерен строить успешную карьеру, нужно менять стиль. Посему молодой человек постепенно научился примерять на себя помпезные манеры министра и его радикальные взгляды на жизнь и именно в этом духе сочинял теперь ответ владельцу «Дейли мейл». Перо царапало и кололо бумагу по мере того, как Хартманн вгонял себя в притворный раж. Заключительный абзац показался ему особенно удачным:

Идея, будто проблема Судет, совершенно вторичная для Англии, способна нарушить мир между двумя нашими народами, выглядит в моих глазах сумасшествием и преступлением против человечества. В отношениях с Англией Германия следует честной политике взаимопонимания. Она желает мира и дружбы с Англией. Но если на передний план английской политики выйдет иностранное большевистское влияние, Германия будет готова к любым вариантам. Ответственность перед всем миром за такое преступление падет не на Германию, и вам, уважаемый лорд Ротермер, это известно лучше, чем кому-либо.

Хартманн подул на чернила. Когда имеешь дело с Риббентропом, чем гуще их слой, тем лучше.

Он закурил еще одну сигарету, перечитал все сначала, подправил немного тут и там и стал искоса смотреть на бумагу через табачный дым. Глаза у него были яркого фиалкового цвета, несколько глубоко посаженные. Лоб высокий: уже в двадцать девять линия волос отступила почти до самой макушки. Рот был широкий и чувственный, нос прямой. Лицо дипломата было подвижное и выразительное, интригующее, необычное, способное показаться некрасивым. И тем не менее он обладал даром располагать к себе и мужчин, и женщин.

Пауль собирался уже положить черновик в корзину для передачи машинисткам, когда услышал звук. А быть может, правильнее будет сказать, что он его ощутил. Звук словно передался ему через подошвы ботинок и ножки кресла. Бумаги у него в руках задрожали. Рокот

нарастал, переходя в рев, и на ужасный миг Хартманн подумал, не обрушилось ли на город землетрясение. Но затем его ухо уловило знакомый гул тяжелых моторов и лязг металлических гусениц. Двое коллег, с которыми он делил кабинет, – фон Ностиц и фон Ранцау – переглянулись и нахмурились. Потом встали и направились к окну. Хартманн последовал их примеру.

Колонна выкрашенной в защитный оливково-зеленый цвет военной техники гроыхала по Вильгельмштрассе со стороны Унтер-ден-Линден на юг: артиллерия на полугусеничной тяге, танки на автомобильных платформах, тяжелые орудия с тягачами и конскими упряжками. Пауль вытянул шею. Колонна тянулась насколько хватало взгляда – целая моторизованная дивизия, если судить по длине.

– Господи, неужели началось? – сказал фон Ностиц, человек старше Хартманна несколькими годами и на один чин.

Молодой человек вернулся за стол, взял телефон и набрал внутренний номер. Из-за шума ему пришлось закрыть рукой левое ухо.

– Кордт, – ответил металлический голос на другом конце провода.

– Это Пауль. Что происходит?

– Встретимся у выхода с лестницы внизу. – Кордт положил трубку.

Хартманн снял с вешалки шляпу.

– Решили влиться в ряды? – насмешливо осведомился фон Ностиц.

– Нет. Ясное дело, хочу выйти на улицу, чтобы поприветствовать наш доблестный вермахт.

Он торопливо прошагал по высокому сумрачному коридору, спустился по главной лестнице, миновал двойные двери. Короткий пролет ступенек, застланных посередине синим ковром и обрамленный по бокам каменными сфинксами, вел к фойе центрального входа. К удивлению Хартманна, помещение оказалось пустым, хотя даже воздух в нем вибрировал от шума снаружи. Минутой спустя к нему подошел Кордт с портфелем под мышкой. Он снял очки, подышал на линзы и протер их широким концом галстука. Они вместе вышли на улицу.

Лишь горстка служащих Министерства иностранных дел высыпала на мостовую посмотреть. На другой стороны улицы картина, естественно, была совершенно иной: чиновники из Министерства пропаганды в буквальном смысле висели на окнах. Небо было пасмурным, собирался дождь – Хартманн даже ощутил каплю влаги на щеке. Кордт потянул его за руку, и они вместе пошли вслед за колонной. Над их головами безвольно свисали десятки красно-белых флагов со свастикой. Они придавали серому каменному фасаду министерства праздничный вид. Однако поразительно мало людей собралось на улице. Никто не махал и не кричал – люди по большей части опускали взгляд или смотрели прямо перед собой. Хартманн не мог понять, что не так. Как правило, подобные представления проходили у партии с гораздо большим успехом.

Кордт не проронил пока ни слова. Уроженец Рейнланда шагал быстро, порывисто. Пройдя примерно две трети длины здания, он повел коллегу к неиспользуемому входу. Тяжелая деревянная дверь была постоянно заперта, крыльцо обеспечивало укрытие от посторонних глаз. Да и смотреть-то там было не на что. Подумаешь, глава собственного секретариата министра иностранных дел – человечек совершенно безобидный, очкарик, типичная канцелярская крыса, – и молодой высокий легацфонсекретер встретились случайно и разговаривают.

Прижав портфель к груди, Кордт расстегнул замок и извлек машинописный документ. Передал его Хартманну. Шесть страниц, отпечатанных особо крупным шрифтом, излюбленным фюрером и призванным щадить его дальновзоркость в случаях со всякой бюрократической ерундой. Это был отчет об утренней его встрече с сэром Хорасом Уилсоном, составленный главным переводчиком Министерства иностранных дел доктором Шмидтом. Документ был написан сухим канцелярским языком, и тем не менее обрисованное в нем действие представилось Хартманну с яркостью эпизода из художественного произведения.

Подобострастный Уилсон поздравил фюрера с теплым приемом, оказанным его речи в «Шпортпаласт» накануне вечером (как будто прием мог быть иным), поблагодарил за добрые слова в адрес премьер-министра Чемберлена. В какой-то миг он попросил прочих присутствующих: Риббентропа, посла Хендерсона и первого секретаря британского посольства Киркпатрика – ненадолго выйти из комнаты, дав ему возможность с глазу на глаз заверить Гитлера в том, что Лондон продолжит оказывать давление на чехов. (Шмидт даже записал эту реплику так, как она прозвучала на английском: I will still try to make those Czechos sensible.) Но ничто не могло завуалировать главного события встречи: Уилсону пришлось собраться с духом и озвучить подготовленное заявление, которое гласило, что в случае начала военных действий англичане поддержат французов. А затем он попросил фюрера повторить услышанные слова, чтобы исключить возможное недопонимание! Неудивительно, что Гитлер вышел из себя и сказал Уилсону, что ему наплевать, как поступят французы или англичане. Он, мол, потратил миллиарды на вооружение, и, если союзники хотят войны, они ее получают.

Хартманну подумалось, что это было, как если бы безоружный прохожий уговаривал безумца отдать ему пистолет.

– Получается, войны таки не избежать.

Он вернул документ Кордту, и тот сунул его обратно в портфель.

– Похоже на то. Полчаса спустя после окончания встречи фюрер распорядился устроить это. – Кордт кивнул в сторону армейской колонны. – Не случайно войска проходят в точности мимо английского посольства.

Рев двигателей взрезал теплый воздух. Хартманн ощущал на языке пыль и сладковатый привкус топлива. Чтобы перекрыть шум, приходилось кричать.

– Кто это такие? Откуда взялись?

– Войска Вицлебена из берлинского гарнизона. Направляются к чешской границе.

Хартманн сжал за спиной кулак. Наконец-то! Им овладело нетерпение.

– Теперь, вы согласитесь, иного пути нет. Так ведь? Мы должны действовать!

Кордт медленно кивнул:

– Такое чувство, будто меня вот-вот стошнит.

Тут он вдруг предостерегающе положил руку Хартманну на плечо.

К ним бежал полицейский, размахивая жезлом.

– Господа! День добрый! Фюрер на балконе! – Он указал палкой на другую сторону улицы.

Держался он уважительно, располагающе. Не приказывал, что им делать, просто советовал не упустить исторический шанс.

– Спасибо, офицер, – поблагодарил его Кордт.

Оба дипломата вернулись на улицу.

Рейхсканцелярия располагалась по соседству с Министерством иностранных дел. Через дорогу, на широком пространстве Вильгельмплац, собралась небольшая толпа. То определенно была партийная кляка: у некоторых даже имелись повязки со свастикой на рукавах. Время от времени раздавался недружный крик «Хайль!» и вскидывались в приветствии руки. Солдаты армейской колонны держали равнение направо и отдавали честь. Молодые парни по большей части – намного моложе Хартманна. Пауль находился достаточно близко, чтобы видеть выражение на их лицах: удивление, восторг, гордость. За высокой кованой изгородью рейхсканцелярии располагался двор, а над главным входом в здание был балкон. На балконе виднелась безошибочно узнаваемая одинокая фигура: коричневый френч, коричневая фуражка, левая рука сжимает пряжку черного ремня, правая машет время от времени, на вид почти механическая в своей абсолютной неизменности – ладонь разжата, пальцы расставлены. От фюрера их отделяло не больше пятидесяти метров.

– Хайль Гитлер! – пробормотал Кордт, отсалютовав.

Хартманн последовал его примеру. Едва миновав здание правительства, колонна прибавила ходу и двинулась в сторону Блюхерплац.

– Сколько, по-вашему, людей собралось поглазеть?

Кордт оценивающе оглядел немногочисленные группки зевак.

– Я бы сказал, сотни две – не больше.

– Ему это не понравится.

– Верно. Сдается мне, что в кои веки режим допустил ошибку. Фюреру так польстили визиты Чемберлена, что он велел Геббельсу спустить прессу с цепи. Немецкий народ поверил, будто дело идет к миру. А теперь ему говорят, что война все-таки будет, и людям это не нравится.

– Так когда же мы начнем действовать? Разве теперь не самое подходящее время?

– Остер хочет, чтобы мы встретились сегодня. Новое место: Гётештрассе, номер девять, в Лихтерфельде.

– Лихтерфельде? Зачем ему собирать нас всех так далеко отсюда?

– Кто знает? Приезжайте как можно ближе к десяти. Вечер обещает быть интересным.

Кордт коротко стиснул Хартманну плечо и ушел.

Пауль постоял еще немного, наблюдая за фигурой на балконе. Меры безопасности были на удивление ничтожными: пара полицейских у входа во двор, два эсэсовца у двери. Внутри наверняка больше, но даже так... Разумеется, как только будет объявлена война, все изменится. И больше им так близко к нему не подобраться.

Спустя еще пару минут человек на балконе счел, что с него хватит. Он опустил руку, обозрел пространство Вильгельмштрассе с видом театрального антрепренера, разочарованного количеством собравшихся на вечерний спектакль зрителей, повернулся спиной, отдернул штору и вошел в здание. Дверь закрылась.

Хартманн снял шляпу, пригладил редующие волосы, снова нахлобучил головной убор и задумчиво зашагал к своему учреждению.

3

Точно в шесть часов вечера звон Биг-Бена влетел в открытое окно дома номер десять по Даунинг-стрит.

Мисс Уотсон встала как по команде, взяла плащ и шляпу, сухо пожелала Легату доброго вечера и вышла из кабинета. В руках она несла одну из красных шкатулок премьер-министра, почти до краев набитую аккуратно подписанными папками. Созыв парламента на внеочередную сессию в связи с чешским кризисом ставил крест на ее обычно спокойных летних месяцах работы. Хью знал, что она, как всегда, доедет на велосипеде от Уайтхолла до Вестминстерского дворца, оставит свою древнюю машину на Нью-Пэлас-Ярд и поднимется по лестнице в офис премьер-министра, расположенный по коридору напротив резиденции спикера. Там ее встретит парламентский личный секретарь Чемберлена, лорд Дангласс, на которого она с ходу и безрезультатно обрушится с требованием ответов на письменные вопросы премьера.

Для Легата это был шанс.

Он закрыл дверь, сел за свой стол, снял трубку и вызвал коммутатор.

– Добрый вечер, это Легат, – произнес он, стараясь придать голосу обыденность. – Не могли бы вы соединить меня с номером «Виктория семьдесят четыре – семьдесят два»?

С момента окончания встречи с начальниками штабов у Легата не было ни одной свободной минуты. Теперь наконец он сунул записки в стол. С детских лет закаленный в гладиаторских боях экзаменационных залов – школьные испытания, стипендиальные, выпускные из Оксфорда, вступительные в Форин-офис, – Хью писал только на одной стороне листа, чтобы чернила не смазывались. «ПМ выразил обеспокоенность состоянием противоздушной обороны страны...» Он ловко перевернул большого формата листы чистой стороной кверху. Он уничтожит их, как приказано. Но не прямо сейчас. Что-то его удерживало. Что именно, Легат не брался определить, – странное чувство неуместности, быть может. Всю вторую половину дня, пока он одного за другим провожал посетителей к премьер-министру и подбирал документы, необходимые ПМ для выступления в парламенте, Хью ощущал себя втайне причастным к настоящей правде. Эта информация определит политику правительства. Можно было даже сказать, что все прочее по сравнению с ней есть совершенный пустяк. Дипломатия, мораль, закон, договоры – что это все на чаше весов против военной мощи? Насколько ему помнилось, одна эскадрилья Королевских ВВС состояла из двадцати самолетов. Выходило, что на больших высотах небо родины смогут защищать только два десятка современных истребителей с исправными пулеметами.

– Соединяем, сэр.

Коммутатор шелкнул, следом послышался долгий гудок вызова. Она ответила быстрее, чем он ожидал, и резко:

– Виктория семьдесят четыре – семьдесят два.

– Памела, это я.

– А, Хью! Привет.

В голосе ее прозвучало удивление, а возможно, и разочарование.

– Послушай, у меня мало времени, поэтому запоминай, что я скажу. Собери вещи на неделю и ступай в гараж. Забирай детей и родителей и уезжайте прямо сейчас.

– Но уже шесть часов!

– Гараж должен быть еще открыт.

– С чего такая спешка? Что случилось?

– Ничего. Пока ничего. Просто хочу знать, что вы в безопасности.

– Звучит немного пугающе. Терпеть не могу паникеров.

Легат стиснул телефонную трубку:

– Боюсь, дорогая, что без паники не обойдется. – Он бросил взгляд на дверь: кто-то проходил мимо и шаги вроде как остановились. Хью понизил голос, но заговорил с предельной убедительностью: – Позже ночью выбраться из Лондона может быть трудновато. Уезжайте сейчас, пока дороги свободны.

Женщина попыталась возразить.

– Памела, не спорь со мной, – прервал ее он. – Способна ты хоть один чертов раз просто сделать так, как я тебя прошу?

На миг повисла тишина.

– А как же ты? – тихо спросила она.

– Мне придется остаться на ночь. Попытаюсь позвонить позже. Мне пора идти. Ты исполнишь мою просьбу? Обещаешь?

– Ладно, раз ты так настаиваешь.

На заднем плане слышались голоса детей.

– Тихо! Я с вашим отцом разговариваю! – прикрикнула она на них. Потом снова поднесла трубку к уху. – Хочешь, занесу тебе сумку с ночными вещами?

– Нет, не беспокойся. Я попытаюсь улизнуть на пару минут при удобном случае. Сосредоточься на том, чтобы выбраться из Лондона.

– Я тебя люблю – ты это знаешь?

– Знаю.

Памела ждала. Хью понимал, что должен сказать что-то еще, но не находил слов. Послышался щелчок, когда она дала отбой, и теперь в трубке раздавались только короткие гудки.

Кто-то постучал в дверь.

– Секунду! – Легат сложил заметки о встрече с начальниками штабов пополам, потом еще вдвое и сунул во внутренний карман.

В коридоре стоял посыльный Рен. Подслушивал он или нет? Но инвалид сказал лишь:

– Би-би-си здесь.

Впервые с начала кризиса на Даунинг-стрит собралась изрядная толпа. Люди неторопливо стекались к кучке фотографов на противоположной от дома номер десять стороне. Основное их внимание привлекал, судя по всему, большой темно-зеленый фургон с эмблемой Би-би-си и надписью золотыми буквами «РЕПОРТАЖ С МЕСТА СОБЫТИЙ» на обоих бортах. Припаркована машина была сразу слева от главного входа. Пара техников протягивала из фургона кабели через мостовую, а потом в окно с поднимающимися рамами.

Легат стоял в дверях и пререкался с молодым инженером по фамилии Вуд.

– Простите, но боюсь, что в данный момент это невозможно.

– Почему?

На Вуде был вельветовый пиджак, а под ним свитер с треугольным вырезом.

– Потому что до половины восьмого у премьер-министра совещание в зале заседаний кабинета министров.

– А он не может собрать его где-нибудь в другом месте?

– Не говорите ерунды.

– Ну, в таком случае почему бы нам не организовать прямой эфир из какой-нибудь другой комнаты?

– Нет. Он хочет обратиться к британскому народу из сердца правительства, то есть из зала заседаний кабинета.

– Ну так слушайте: прямой эфир назначен на восемь. Сейчас уже седьмой час. Что, если произойдет сбой, потому что мы не успеем проверить оборудование как надо?

– В вашем распоряжении будет по меньшей мере полчаса, и если я смогу выкроить для вас еще какое-то время, то пожалуйста...

Хью не договорил. За спиной у Вуда с Уайтхолла на Даунинг-стрит сворачивал черный «остин» десятой модели. В сгущающемся сумраке водитель включил фары и ехал медленно – из опасения задеть кого-нибудь из зевак, запрудивших дорогу. Кинорепортеры службы новостей узнали пассажира раньше, чем это удалось Легату. Свет их юпитеров ослепил его. Он прикрыл глаза ладонью, извинился перед Вудом и сошел на мостовую. Когда машина остановилась, Хью открыл заднюю дверцу.

Сэр Хорас Уилсон сидел сторбившись, зажимая между ног зонтик и держа на коленях портфель. Он вяло улыбнулся Легату и вылез из машины. На крыльце дома номер десять посол на секунду повернулся. На лице у него читались уныние и растерянность. Замелькали вспышки.словно испугавшееся яркого света ночное животное, Уилсон ринулся в двери и даже забыл про спутника, который вышел из автомобиля с другой стороны. Тот приблизился к Хью и протянул руку:

– Полковник Мейсон-Макфарлейн. Военный атташе в Берлине.

Полицейский взял под козырек.

Уилсон был уже в вестибюле и снимал плащ и шляпу. Особый советник премьер-министра был худощавым, почти тощим, с длинным носом и глазами навывкате. Легату он всегда казался человеком предельно вежливым, не лишенным подчас даже скромного обаяния, – типа старшего коллеги, который способен в минуту откровенности сболтнуть нечто такое, чего не стоит слышать. Репутацию Уилсон себе составил в Министерстве труда, ведя переговоры с вожаками профсоюзов. Мысль, что именно его могли отправить вручать ультиматум Адольфу Гитлеру, вызывала некоторое удивление. Однако премьер-министр считал Уилсона незаменимым.

Тот сунул свернутый зонтик в стойку рядом с зонтиком шефа и обратился к Легату:

– Где ПМ?

– В своем кабинете, сэр Хорас. Готовится к вечернему прямому эфиру. Все остальные в зале заседаний.

Уилсон уверенным шагом направился вглубь здания, дав знак Мейсон-Макфарлейну идти следом.

– Вы должны как можно скорее ввести ПМ в курс дела, – сказал он полковнику, после чего повернулся через плечо к Легату. – Будьте любезны известить премьера о моем возвращении.

Посол распахнул двери зала заседаний и вошел. Легату бросились в глаза черные костюмы, золотые галуны, напряженные лица и клубы сигаретного дыма, расплывающегося в тусклом освещении. Затем двери закрылись.

По коридору мимо кабинетов Клеверли, Сайерса и своего собственного Хью прошел к главной лестнице. Поднялся, минуя ряд черно-белых гравюр и фотографических изображений: все премьер-министры, начиная с Уолпола. Стоило ему достигнуть площадки – и здание из клуба для джентльменов преобразилось в роскошную деревенскую усадьбу, каким-то волшебством перемещенную в центр Лондона: с мягкими диванами, картинами маслом и высокими георгианскими окнами. Пустые холлы навевали ощущение покоя и заброшенности, под густыми коврами поскрипывали половицы. Чувствуя себя непрощеным гостем, он тихонько постучал в дверь рабочего кабинета премьер-министра.

– Войдите, – ответил знакомый голос.

Комната была просторной и светлой. Премьер-министр сидел спиной к окну, склонившись над столом. Правой рукой он писал, а в левой держал зажженную сигару. На небольшой подставке перед ним размещался арсенал флаконов с чернилами, ручек и карандашей, рядом лежали трубка и банка с табаком. За исключением подставки, пепельницы и переплетенного в кожу блокнота, большой стол был пуст. Никогда еще Легат не видел более одинокого человека.

– Сэр Хорас Уилсон вернулся, премьер-министр. Он ожидает вас внизу.

Как всегда, Чемберлен не поднял головы.

– Спасибо. Не задержитесь ли на минуту?

Он прервался, чтобы сделать затяжку, потом вернулся к работе. Завитки дыма висели над седой головой. Легат переступил порог. За четыре месяца они с премьер-министром никогда не разговаривали по-настоящему. В нескольких случаях подготовленные им и переданные вечером записки возвращались на следующее утро с выражением благодарности красными чернилами на полях: «Первоклассный анализ», «Глубоко проработано и четко изложено. Спасибо. Н. Ч.» Эти похожие на школьную оценку похвалы трогали Хью больше, чем любое изображаемое политиками добродушие. Но никогда начальник не обращался к нему лично – ни по фамилии, как в случае с Сайерсом, ни уж тем более по имени – эта честь приберегалась исключительно для Клеверли.

Шли минуты. Легат исподволь достал часы и глянул на циферблат. Наконец ПМ завершил работу. Он вернул ручку в подставку, примостил сигару на край пепельницы, собрал испитые листы, выровнял стопку и протянул Хью:

– Не окажете любезность передать их в печать?

– Разумеется. – Хью подошел и взял страницы. Их было чуть больше десяти.

– Вы из Оксфорда, как я понимаю?

– Да, премьер-министр.

– Я подметил, у вас есть дар слова. Быть может, прочтете написанное? Если встретите обороты, нуждающиеся в доработке, не стесняйтесь с предложениями. У меня столько всего в голове – местами могло получиться не так гладко, как хотелось бы.

Чемберлен отодвинулся в кресле, взял сигару, встал. Похоже, от резкого движения у него закружилась голова. Он оперся одной рукой на стол, потом направился к двери.

На лестничной площадке ждала миссис Чемберлен – в платье из какого-то мягкого материала, словно собралась на обед. Супруга была лет на десять моложе премьер-министра: добрая, без ярко выраженного характера, полногрудая и пышная, эта женщина напоминала Хью его тещу – тоже уроженку англо-ирландской глубинки, слышшую красавицей в молодые годы. Легат помедлил. Жена сказала что-то негромко премьеру, и тот, к удивлению молодого человека, взял ее за руку и поцеловал в губы.

– Энни, я сейчас не могу задерживаться. Поговорим позже.

Когда Легат проходил мимо нее, ему показалось, что женщина плачет.

Секретарь спускался за Чемберленом по лестнице, тайком его разглядывая. Узкие покачанные плечи, седые волосы, слегка вьющиеся у перехода к шее, неожиданно крепкая ладонь, легко скользящая по перилам, с недокуренной сигарой между средним и безымянным пальцем. Это был человек из викторианской эпохи. Его портрет уместнее смотрелся бы в середине пролета, чем наверху.

– Пожалуйста, принесите мне речь как можно быстрее, – сказал премьер-министр, когда они вышли в коридор личного секретариата.

Он прошел мимо кабинета Легата, похлопал себя по карманам, отыскал спичечный коробок. У входа в зал заседаний Чемберлен остановился, заново раскурил сигару, открыл двери и исчез внутри.

Легат сел за свой стол. Почерк у премьер-министра оказался неожиданно красивый, даже вычурный. Он выдавал страстную натуру, скрытую под панцирем отшельника. Что до самой речи, то Хью она не впечатлила. С его точки зрения, в ней было слишком много форм первого лица единственного числа: «Я летал взад-вперед по всей Европе... Я сделал все, что в человеческих силах... Я не оставлю надежду на мирное урегулирование... В глубине души я мирный человек...» На свой нарочито скромный лад, подумалось Легату, Чемберлен не усту-

пает эгоцентризмом Гитлеру – неизменно старается привлечь всеобщий интерес к собственной персоне.

Хью кое-что поменял, исправил пару грамматических ошибок, добавил строчку с объявлением мобилизации на флоте, про что ПМ явно запомнил, и отнес текст вниз.

Спускаясь в Садовую комнату, он наблюдал очередную перемену в атмосфере здания. Теперь оно напоминало подпалубные помещения роскошного лайнера. Картины маслом, книжные полки и тишина уступили место низким потолкам, голым стенам, затхлому воздуху, жару и непрерывному стуку полтора десятка пишущих машинок «империал» – каждая отбивала по восемьдесят слов в минуту. Даже при настежь раскрытых дверях в сад находиться тут было тягостно. С самого начала кризиса в дом номер десять хлынул поток писем от различных представителей общества: в день приходило по несколько тысяч. Узкий коридор загромождали нераспечатанные мешки корреспонденции. Время приближалось к семи. Легат объяснил инспектору срочность задания, и его проводили к молодой женщине за столом в углу.

– Джоан у нас самая быстрая. Джоан, голубушка, отставь текущую работу и напечатай выступление премьер-министра для мистера Легата.

Девушка нажала на рычаг каретки и извлекла наполовину готовый документ.

– Сколько копий?

Голос у Джоан был четкий – как алмазом по стеклу. Из нее вышла бы отличная подруга для Памелы.

Хью примостился на краю ее стола:

– Три. Сможете разобрать его почерк?

– Да, но, если продиктуете, получится быстрее.

Она заложила бумагу и копирки и стала ждать, когда он начнет.

– «Завтра соберется парламент, и мне предстоит дать полный отчет о событиях, что привели к нынешней тревожной и опасной ситуации...»

Легат взял авторучку.

– Простите, тут должно быть «о событиях, которые привели». – Он сделал пометку в оригинале и продолжил: – «Как ужасно, невыносимо и нелепо будет, если нам придется рыть траншеи и носить противогазы по причине распри в какой-то далекой стране между народами, о коих мы ничего не знаем...»

Молодой человек нахмурился. Машинистка перестала печатать и посмотрела на него. Под слоем пудры на ее лице слегка проступал пот. На верхней губе блестели крошечные капельки, а на спине блузки темнело влажное пятно. Он впервые заметил, что она хорошенькая.

– Что-то не так? – раздраженно спросила Джоан.

– Эта фраза... Я в ней не уверен.

– Почему?

– Она звучит несколько пренебрежительно.

– Но тут он прав, верно? Так думает большинство людей. Какое нам дело до того, если одна орава немцев желает присоединиться к другой ораве немцев? – Она нетерпеливо забарабанила пальцами по клавишам. – Продолжайте, мистер Легат. Вы как-никак не премьер-министр.

Хью против воли рассмеялся.

– Это точно, слава богу! Ну хорошо, продолжаем.

Ей потребовалось около пятнадцати минут. Окончив работу, она извлекла последнюю страницу, разложила все три копии по порядку и соединила скрепками. Легат проверил верхний экземпляр. Ни одной опечатки.

– Сколько тут слов, по вашей оценке? – спросил он.

– Примерно тысяча.

- Значит, выступление займет минут восемь. – Хью встал. – Спасибо!
- Обращайтесь. – Когда он уже направился к выходу, она окликнула его: – Я буду слушать. Хью еще шел к двери, а Джоан уже печатала что-то другое.

Легат торопливо взбежал по лестнице и пошел по коридору личного секретариата. Когда он приблизился к дверям зала заседаний, из них появился Клеверли. Похоже, в его планы входило добежать до ближайшей уборной.

– Что случилось с вашими записями о встрече ПМ с начальниками штабов? – осведомился Клеверли.

Легат почувствовал, что слегка краснеет.

– ПМ решил, что протокол встречи ему не нужен.

– Тогда что у вас тут?

– Речь для вечернего выступления по радио. Он просил доставить ее, как только она будет напечатана.

– Хорошо. Отлично. Давайте сюда. – Клеверли протянул руку. Легат неохотно передал страницы. – Проверьте, как там Би-би-си.

Начальник нырнул обратно в зал заседаний. Дверь закрылась. Легат смотрел на белые окрашенные панели. Власть кроется в том, чтобы находиться в комнате, где принимают решения. Немногие понимали это правило лучше, чем главный личный секретарь. Хью почувствовал себя несправедливо униженным.

Дверь вдруг распахнулась снова. Нижняя часть лица Клеверли перекосилась от улыбки, похожей на гримасу.

– Ему определенно нужны вы.

За столом сидело с десяток человек, включая премьер-министра. Легат окинул их взглядом: главы ведомств, Большая тройка, секретари доминионов, министр по вопросам координации обороны, а также Хорас Уилсон и постоянный заместитель министра иностранных дел сэра Александр Кадоган. Все слушали военного атташе, полковника Мейсон-Макфарлейна.

– Итак, самое сильное впечатление, вынесенное мной из вчерашнего посещения Праги, состоит в том, что боевой дух чехов слаб...

Доклад был отрывистым, но красноречивым. Атташе явно наслаждался своим звездным часом.

Премьер-министр заметил в дверях Легата и кивнул на кресло рядом с собой. Хью подошел и разместился справа от Чемберлена, где обычно сидел секретарь кабинета министров. Премьер уже читал текст своего выступления, ведя пером по странице и иногда подчеркивая слово. Создавалось впечатление, что полковника он слушает вполуха.

– ...Вплоть до этого года чешский генеральный штаб планировал отражать немецкое наступление с двух направлений: с севера, через Силезию, и с запада, через Баварию. Однако включение в рейх Австрии расширило границу с Германией на юг почти на двести миль, создав тем самым угрозу обороне чехов. Сами чехи, вполне вероятно, будут драться, но как словаки? А еще собственно Прага безнадежно плохо защищена от бомбардировок люфтваффе.

– Накануне вечером я встречался с генералом Герингом, – вмешался Уилсон, сидевший напротив премьер-министра. – Он выразил уверенность, что на разгром чехов германской армии потребуются даже не недели, а дни. «А Прага будет превращена в руины» – вот его собственные слова.

Кадоган на другой стороне стола фыркнул:

– Ясное дело, Герингу выгодно представлять победу над чехами плевым делом. Но не стоит сбрасывать со счетов, что у чехов мощная армия и сильные оборонительные сооружения. Они вполне способны продержаться несколько месяцев.

– Вот только полковник Мейсон-Макфарлейн придерживается иного мнения, как вы сейчас слышали.

– При всем уважении, Хорас, откуда ему знать?

Кадоган был человек щуплый и обычно говорил мало. Но Легат видел, что прерогативы Форин-офиса сэра Александр отстаивает с храбростью бантамского петушка.

– С наименьшим уважением, Алек, но он-то действительно был там, в отличие от всех нас.

Премьер-министр отложил ручку:

– Спасибо, полковник, что проделали весь путь из Берлина ради встречи с нами. Разговор был исключительно полезным. От лица всех присутствующих желаю вам благополучного путешествия обратно в Германию.

– Благодарю, премьер-министр.

Когда дверь за ним закрылась, Чемберлен продолжил:

– Я просил сэра Хораса захватить полковника с собой из Берлина, чтобы тот лично доложил нам обстановку, потому как мне это кажется крайне важным. – Он обвел стол взглядом. – Предположим, что чехи рухнут до конца октября. Как нам тогда убедить британскую общественность в необходимости продолжать войну зимой? Мы потребуем от народа пойти на тяжелейшие жертвы. И ради чего, если быть точным? Ведь мы уже приняли окончательное решение, что судетские немцы никогда не будут жить в возглавляемом чехами государстве.

– Именно такова позиция доминионов, – сказал Галифакс. – Они абсолютно ясно дали понять, что их народы не поддержат войну по столь специфическому поводу. Америка в нее не вступит. Ирландцы будут соблюдать нейтралитет. Возникают сомнения, удастся ли нам найти хоть каких-то союзников.

– Разумеется, всегда остаются русские, – заявил Кадоган. – Мы постоянно упускаем из виду, что у них тоже есть договор с чехами.

По столу пробежал озабоченный ропот.

– Когда я в последний раз смотрел на карту, Алек, – сказал Чемберлен, – то не обнаружил общей границы между Советским Союзом и Чехословакией. Единственный для русских путь вмешаться – это вторгнуться в Польшу или в Румынию. В таком случае обе эти страны вступят в войну на стороне Германии. Да и в самом деле, даже если отбросить в сторону географию, – заполучить не кого-нибудь, а Сталина союзником в крестовом походе в защиту международного права! Да сама эта мысль абсурдна.

– С точки зрения стратегии кошмар заключается в том, – взял слово Горт, – что война станет мировой, и в итоге нам предстоит сражаться с Германией в Европе, с Италией на Средиземном море и с Японией на Дальнем Востоке. При таком раскладе, осмелюсь заявить, само существование империи оказывается под большой угрозой.

– Нас втягивает в жуткую мясорубку, и, как мне кажется, выход есть только один, – сказал Уилсон. – Я составил проект телеграммы, где мы советуем чехам принять условия герра Гитлера до истечения указанного им срока – два часа завтра, – отдать Судетскую область и позволить ему оккупировать территорию. Это единственный надежный для нас способ избежать вступления в войну, которая стремительно разрастется до огромных масштабов.

– А если чехи откажутся? – спросил Галифакс.

– Думаю, что они этого не сделают. А если откажутся, то Соединенное Королевство снимет с себя все моральные обязательства перед ними. Мы, мол, сделали все, что могли.

Повисла тишина.

– В этом плане есть хотя бы одно достоинство – простота, – промолвил премьер-министр.

Галифакс и Кадоган переглянулись. Оба покачали головами: Галифакс – медленно, Кадоган – энергично.

– Нет, премьер-министр. Это со всей очевидностью превратит нас в пособников Германии. Наше положение в мире рухнет, и империя вместе с ним.

– И как же Франция? – подхватил Галифакс. – Мы поставим ее в безвыходное положение.
– Им следовало думать, прежде чем давать Чехословакии гарантии, не посоветовавшись с нами.

– Ах, бога ради! – Кадоган повысил голос. – Хорас, мы ведь не на производственном совещании. Мы не можем бросить Францию драться с Германией один на один.

Уилсон ничуть не смутился.

– Разве лорд Горт не доложил нам совсем недавно, что у Франции нет намерения воевать? За исключением редких вылазок, французы будут до лета отсиживаться за линией Мажино.

Главы ведомств заговорили все разом. Легат заметил, как премьер-министр бросил взгляд на часы на каминной полке, потом вернулся к тексту речи. Без его властного руководства совещание моментально превратилось в гомон разрозненных голосов. Оставалось только подивиться умению Чемберлена сосредотачиваться. Ему шел уже семидесятый год, но он работал, как дедовские часы в холле: тик-так, тик-так, тик-так...

За высокими окнами начало смеркаться. Время подходило к девятнадцати тридцати. Легат решил, что ему пора вмешаться.

– Премьер-министр, – прошептал он. – Боюсь, Би-би-си пора устанавливать аппаратуру. Нужно впустить их сюда.

Чемберлен кивнул.

– Джентльмены! – произнес он негромко, обведя взглядом стол. Голоса сразу стихли. – Боюсь, нам следует прервать пока дальнейшее обсуждение. Ситуация определенно самая сложная из возможных. В нашем распоряжении меньше двадцати часов до вступления в силу германского ультиматума. Министр иностранных дел, быть может, мы с вами переговорим еще немного по содержанию телеграммы чешскому правительству? Хорас, мы отправимся в ваш кабинет. Алек, вам лучше пойти с нами. Всем спасибо.

Кабинет Уилсона примыкал к залу заседаний и соединялся с ним дверью. Зачастую, когда премьер-министр работал один за своим длинным, похожим по форме на гроб столом, дверь оставалась незапертой, и Уилсон мог входить и выходить, когда ему заблагорассудится. Пресса отводила ему при Чемберлене роль Свенгали³, но, по мнению Легата, было бы ошибкой преуменьшать самостоятельность ПМ: Уилсон был не более чем в высшей степени полезным помощником. Сэр Хорас следил за работой правительственной машины на манер сотрудника службы безопасности в магазине. Несколько раз, заработавшись за столом, Хью ощущал вдруг чье-то присутствие и, обернувшись, видел, как Уилсон стоит в дверях и внимательно наблюдает за ним. Лицо советника оставалось некоторое время ничего не выражающим, потом по нему пробежала эта его лукавая, нервирующая ухмылка.

Инженеры из Би-би-си раскатали провода по коврам и установили микрофон в дальнем конце стола в зале заседаний, ближе к колоннам. Из металлической подставки торчал микрофон – здоровенная цилиндрическая штукавина, сужающаяся к заднему концу, вроде артиллерийского снаряда с отпиленным кончиком. Рядом располагались громкоговоритель и прочие таинственные элементы оборудования. Сайерс и Клеверли пришли посмотреть.

– Парни из Би-би-си интересуются, нельзя ли им устроить прямую трансляцию завтрашнего выступления ПМ в парламенте, – сказал Сайерс.

– Это не нам решать, – отозвался Клеверли.

– Знаю. Это определенно создаст прецедент. Я адресовал их к «главному кнуту»⁴.

³ *Свенгали* – здесь: человек, обладающий гипнотическим влиянием на другого (от фамилии персонажа романа Джорджа Дюморье «Трильби»).

⁴ «*Главный кнут*» – здесь: главный организатор парламентской фракции.

Без пяти восемь премьер-министр вышел из кабинета Уилсона, сопровождаемый Галифаксом и Кадоганом. Уилсон появился последним. Вид у него был сердитый. Легат предположил, что их спор с Кадоганом продолжился. В чем заключалась еще одна большая польза от Уилсона, так это что он служил заменителем своего шефа. Премьер-министр использовал его для обкатки своих идей и мог наблюдать, как их принимают, не раскрывая собственных взглядов и не подвергая риску собственный авторитет.

Чемберлен уселся перед микрофоном и разложил листки с текстом. Руки его тряслись. Одна страница упала на пол, и он с трудом наклонился, чтобы поднять ее.

– Меня уже шатает, – пробормотал премьер и попросил воды.

Легат взялся наполнить стакан из графина в центре стола и от волнения перелил. На полированной поверхности застыли капли.

Инженер Би-би-си попросил всех прочих занять места в дальнем конце зала. За окнами на сад и плац-парад конной гвардии опустилась темнота.

Биг-Бен отсчитал восемь ударов.

В громкоговорителе послышался голос диктора:

– Это Лондон. Сейчас вы услышите обращение премьер-министра, уважаемого Невилла Чемберлена, из резиденции правительства на Даунинг-стрит, десять. Его речь будет транслироваться на всю империю, на американский континент, а также на большое число зарубежных государств. Мистер Чемберлен!

Рядом с микрофоном загорелся зеленый огонек. Премьер-министр поправил манжеты и взял текст.

– Я хочу обратиться к вам с несколькими словами, мужчины и женщины Британии и империи, а возможно, и других стран...

Чемберлен четко произносил каждый слог. Тон был благозвучный, меланхоличный и вдохновлял не больше, чем заупокойная месса.

– Как ужасно, невыносимо и нелепо получится, если нам придется рыть траншеи и носить противогазы по причине распри в какой-то далекой стране между народами, о коих мы ничего не знаем. Будет еще более безумно, если ссора, уже улаженная в принципе, послужит поводом к войне. Я вполне понимаю причины, по которым чешское правительство не может принять условия, поставленные перед ним в германском меморандуме...

Легат посмотрел через стол на Кадогана. Тот согласно кивал.

– И все-таки я, после моих переговоров с герром Гитлером, верю, что при наличии времени возможно будет организовать передачу территории, которую чешское правительство согласилось уступить Германии, в рамках договоренностей и на условиях, обеспечивающих хорошее обращение с населением этих земель. После своих визитов в Германию я живо осознал, что герр Гитлер чувствует себя защитником интересов остальных немцев. Он сказал мне лично, а накануне вечером подтвердил публично, что с присоединением судетских немцев вопрос будет исчерпан и что это предел германских территориальных притязаний в Европе...

Кадоган подмигнул Галифаксу, но министр иностранных дел смотрел прямо перед собой. Длинное, бледное, одновременно благостное и лукавое лицо было неподвижно. В Форин-офис за министром закрепилось прозвище Святой Лис.

– Я не оставляю надежды на мирное урегулирование ситуации и не прекращу своих попыток, пока есть хоть один шанс сохранить мир. Я не поколеблюсь нанести в Германию третий визит, если сочту, что это может принести хоть какую-то пользу...

Теперь кивал Уилсон.

– Между тем есть вещи, которые мы можем и должны предпринять у себя в стране. По-прежнему требуются добровольцы для борьбы с воздушными налетами, для пожарных бригад и полицейской службы, а также для территориальных воинских формирований. Не пугайтесь,

если мужчин будут призывать для комплектования сил ПВО или кораблей. Это всего лишь предупредительные меры, которые правительство обязано осуществлять в подобные времена...

Легат ждал строки, объявляющей мобилизацию флота. И не дождался. Премьер-министр вычеркнул ее. Вместо этого он вставил целый абзац.

– Каково бы ни было наше сочувствие малому народу, вступившему в конфликт с большим и могущественным соседом, мы, учитывая все обстоятельства, не вправе вовлекать всю Британскую империю в войну исключительно ради его интересов. Если мы будем сражаться, то повод должен быть более весомым, нежели этот...

Будь я убежден, что некая нация решила подчинить себе мир силой оружия, я чувствовал бы себя обязанным сопротивляться. В условиях такого господства жизнь людей, верящих в свободу, не имела бы смысла. Но война – ужасная вещь, и, прежде чем вступить в нее, мы должны быть полностью уверены, что на кону действительно важные ставки и что призыв защищать их любой ценой, взвесив все последствия, не останется без ответа.

В настоящий же момент я прошу вас соблюдать спокойствие в ожидании событий ближайших нескольких дней. Пока война не началась, всегда есть надежда, что ее удастся предотвратить, и вам известно мое стремление бороться за мир до последнего. Доброй ночи.

Зеленый огонек погас.

Чемберлен глубоко вздохнул и обмяк в кресле.

Уилсон вскочил первым. Он шел к премьер-министру и негромко аплодировал.

– Это было воистину замечательно, если позволите так выразиться. Ни единой запинки и никакой неуверенности.

Никогда прежде Легат не видел на лице премьер-министра такой широкой улыбки. В ней обнажился ровный ряд желтовато-серых зубов. В растаявшем от похвалы Чемберлене проступили почти мальчишеские черты.

– Это и вправду было хорошо?

– Тон был выбран превосходно! – заверил его Галифакс.

– Спасибо, Эдвард. Спасибо всем! – Эта всеобщая благодарность включала Легата – наряду с техниками Би-би-си. – Выступая по радио, я всегда использую один трюк – представляю себе, будто обращаюсь лишь к одному конкретному человеку, сидящему в своем кресле. По душам, как к другу. Сегодня вечером это далось труднее, разумеется, поскольку я понимал, что обращаюсь и еще к одной персоне, находящейся в тени этой комнаты. – Чемберлен отпил поток воды. – К герру Гитлеру.

4

Государственный служащий в штате Министерства иностранных дел Германии, статс-секретарь Эрнст фон Вайцзеккер, затребовал немецкий перевод выступления премьер-министра через тридцать минут после передачи. Обязанность его выполнить он возложил на Пауля фон Хартманна.

Расположившись высоко, в радиоаппаратной комнате на чердаке здания на Вильгельмштрассе, под переплетением утыкавших крышу антенн, Пауль возглавил команду из трех женщин. Первой была стенографистка, записывающая слова Чемберлена по-английски (работа не из легких, поскольку сигнал Би-би-си достигал Берлина, уже утратив большую часть силы, и негромкий голос премьер-министра, тонувший в облаках помех, зачастую трудно было разобрать). Как только страница заполнялась символами, вторая секретарша отпечатывала ее на машинке, делая тройные интервалы между строками. Хартманн вписывал в промежутки перевод и отдавал листы третьей сотруднице, печатавшей окончательную, немецкую версию.

«Wie schrecklich, fantastisch, unglaublich ist es...»

Его перо стремительно бегало по дешевой бумаге, бурые чернила слегка расплывались на грубых волокнах.

Но вот Чемберлен закончил говорить, и десять минут спустя работа была готова.

Машинистка выдернула из каретки последний лист. Хартманн схватил его, сунул речь в картонную папку, чмокнул девушку в макушку и выскочил из комнаты под смех облегчения. Едва он оказался в коридоре, улыбка его сгладилась. Шагая к кабинету Вайцзеккера, Пауль со все нарастающим разочарованием перебирал страницы. Тон обращения был чересчур осторожным, примирительным – какая-то размазня, аудиоэктоплазма. Где же угроза, где ультиматум? Почему Чемберлен не повторил публично этим вечером того, что его эмиссар довел до Гитлера сегодня утром: если Франция придет на помощь Чехословакии, то Англия поддержит Францию?

Он спустился по лестнице на первый этаж, постучал в дверь приемной кабинета Вайцзеккера и вошел, не дожидаясь ответа. Помещение было просторное, с высоким потолком, окнами в парк за зданием министерства. Освещала его большая и богатая люстра. За темными окнами, в стеклах которых отражались электрические лампочки, еще можно было различить очертания деревьев на фоне закатного неба. Младшие секретарши уже ушли домой, их зачехленные на ночь пишущие машинки напоминали клетки со спящими птицами. За своим столом у среднего окна, одна в кабинете, сидела старшая секретарша. Меж накрашенных алой помадой губ торчала сигарета; в каждой руке женщина держала по письму и, озабоченно хмурясь, переводила взгляд с одного документа на другой.

– Вечер добрый, уважаемая фрау Винтер!

– Добрый вечер, герр фон Хартманн. – Женщина склонила голову с подчеркнутой официальностью, словно Пауль отвесил ей большой комплимент.

– У себя?

– Он с министром в канцелярии.

– А-а-а, – растерянно протянул Хартманн. – Как в таком случае быть с речью Чемберлена?

– Он сказал, чтобы речь передали ему немедленно. Постойте! – окликнула она его, стоило ему повернуться. – Что это у вас на лице?

Пауль покорно застыл под люстрой, дав ей осмотреть его щеку. Ее волосы и пальцы пахли духами и табачным дымом. В волосах пробивались седые пряди. «Интересно, сколько ей лет?» – подумалось ему. Сорок пять? В любом случае достаточно много, чтобы потерять мужа на прошлой войне.

– Чернила! – проворчала секретарша. – И не просто чернила, а коричневые! В самом деле, герр фон Хартманн, нельзя идти в канцелярию в таком виде. Что, если вы наткнетесь на фюрера? – Она извлекла из рукава платок, смочила уголок языком и аккуратно вытерла ему щеку. Потом отступила на шаг, чтобы полюбоваться результатом. – Вот так-то лучше. Я позвоню и сообщу, что вы идете.

На улице наступила ночь, но было еще тепло. Довоенные фонари, редко расставленные вдоль Вильгельмштрассе, образовывали отдельные озера света в темноте. Прохожих почти не было. Посреди дороги дворник сметал кучки конского навоза после парада. Тишину нарушал только скрежет его лопаты по асфальту. Сжимая папку, Хартманн быстрым шагом шел вдоль фасада министерства, пока не достиг ограды рейхсканцелярии. Одни из больших кованых ворот были открыты. Из них выехал «мерседес». Пока машина поворачивала в направлении Анхальтского вокзала, Пауль успел назвать свою фамилию и департамент, и полицейский молча махнул, разрешая пройти.

По всему периметру двора в здании светились окна – хотя бы здесь ощущалась жизнь, дыхание кризиса. Под балдахином у входа один из эсэсовцев-часовых с автоматом потребовал документ, потом кивнул, разрешая войти в вестибюль, где стояли еще два солдата СС, вооруженные пистолетами. Хартманн снова предъявил пропуск и сообщил, что пришел к статс-секретарю фон Вайцзеккеру. Его попросили подождать. Один из часовых направился к телефонному аппарату на столе у дальней стены. Пауль сделал в уме зарубку: двое полицейских во дворе, четыре шютце⁵ здесь и еще по меньшей мере трое – в караулке.

Прошло около минуты. Большая двойная дверь внезапно распахнулась, и из нее вышел адъютант в форме СС. Он щелкнул каблуками и вскинул руку в гитлеровском приветствии, четко, как заводной солдатик.

– Хайль Гитлер! – дал Хартманн положенный ответ.

– Прошу следовать за мной.

Они прошли через двойную дверь и зашагали по бесконечной дорожке персидского ковра. В помещении царил аромат кайзеровских времен: старого сукна, пыли и воска. Не составляло труда представить себе прохаживающегося тут Бисмарка. Под наблюдением очередного караульного эсэсовца – это какой уже по счету, восьмой? – Пауль поднялся по мраморной лестнице мимо гобеленов на второй этаж, прошел через очередные двойные двери и оказался в личных апартаментах фюрера – от этой догадки у него участилось сердцебиение.

– Позвольте забрать это? – сказал адъютант. – Подождите, пожалуйста.

Он взял папку, тихо постучал и проскользнул внутрь. За миг перед тем, как дверь закрылась, Хартманн услышал голоса, потом негромкий разговор оборвался. Он огляделся. Комната оказалась обставлена на удивление современно, даже со вкусом: приличные картины, столики с лампами и вазами живых цветов, ковер на отполированном паркетном полу, простые стулья. Можно ему присесть или нет? Пожалуй, не стоит.

Время шло. Женщина в накрахмаленной белой блузе вошла в кабинет с кипой бумаг и почти в ту же секунду вышла – уже с пустыми руками. Наконец, примерно через четверть часа, дверь снова открылась и появился мужчина лет пятидесяти пяти, с прилизанными седыми волосами и значком нацистской партии на лацкане. Это был барон Эрнст фон Вайцзеккер, хотя в духе этих эгалитарных времен аристократ отрекся от титула почти сразу, как приобрел партийный значок. Он вручил Паулю конверт.

– Спасибо за ожидание, Хартманн. Это ответ фюрера Чемберлену. Пожалуйста, доставьте его немедленно в британское посольство и передайте либо сэру Невилу Хендерсону, либо мистеру Киркпатрику лично. – Он наклонился и доверительно прибавил: – Обратите их осо-

⁵ Шютце – младший чин войск СС (Schütze – букв. «стрелок»).

бое внимание на заключительное предложение. Скажите, что это прямой ответ на сегодняшнее выступление. – Потом еще понизил голос. – Сообщите, что это было непросто.

– Вайцеккер!

Властный голос из кабинета, как понял Хартманн, принадлежал Риббентропу. Легчайший намек на неудовольствие пробежал по правильным чертам статс-секретаря, и он удалился.

Английское посольство располагалось в пяти минутах ходьбы, в северном конце Вильгельмштрассе, прямо за Министерством иностранных дел.

Ожидая, пока полицейский откроет ворота рейхсканцелярии, Хартманн осмотрел конверт. На нем рукой Вайцеккера был выведен адрес: «Его превосходительству сэру Невилу Хендерсону, послу Великобритании». Конверт был не запечатан.

– Доброй ночи, господин. – полицейский взял под козырек.

– Доброй ночи.

Хартманн прошел немного по широкой улице, миновал темные безжизненные окна Министерства иностранных дел, а потом, как будто само собой – любой наблюдатель счел бы его поведение вполне естественным – свернул к главному входу. Ночной швейцар узнал его.

Пауль взбежал по устланным ковром ступенькам лестницы с каменными сфинксами, помедлил, затем свернул налево в пустой коридор. Его шаги гулко отдавались от каменных плит пола, покрытых зеленой штукатуркой стен, сводчатого потолка. Двери по обе стороны коридора были закрыты. Посередине размещался туалет. Молодой человек вошел и включил свет. Отражение в зеркале над умывальником испугало его: сгорбленная, вороватая фигура, подозрительная на любой взгляд. Воистину он совсем не создан для такого рода занятий. Хартманн зашел в кабинку, запер дверь и присел на край унитаза.

Уважаемый мистер Чемберлен! В ходе переговоров я в очередной раз известил сэра Хораса Уилсона, передавшего мне ваше письмо от двадцать шестого сентября, о моем окончательном решении...

Письмо состояло из семи абзацев, некоторые большие. Общий тон был воинственным: чехи тянут время, их возражения против немедленной оккупации немцами Судетенланда носят надуманный характер и вообще Прага стремится «разжечь пожар всеобщей войны». Заключительное предложение, которым так гордился Вайцеккер, не внушало особой надежды на мир:

Должен предоставить вам самостоятельно определить в свете указанных фактов, продолжите ли вы свои усилия, за которые я вас еще раз самым искренним образом благодарю, чтобы побудить правительство в Праге принять разумное решение в последнюю минуту.

Отпечатанное на машинке письмо было подписано росчерком «Адольф Гитлер».

До кабинета Вайцеккера Хартманн добрался как раз в тот миг, когда фрау Винтер, в модной широкополой шляпке, запирала дверь, собираясь домой. Секретарша удивленно уставилась на Пауля:

– Герр Хартманн? Статс-секретарь все еще в канцелярии.

– Знаю. Жутко неудобно просить вас... Я бы не стал, не будь это так важно.

– О чем?

– Не могли бы вы сделать копию с этого документа? Срочно.

Он показал ей письмо с подписью. Глаза у нее расширились. Она бросила взгляд в оба конца коридора, повернулась, отперла дверь и включила свет.

Работа заняла у нее пятнадцать минут. Хартманн стоял на страже в коридоре. Она не сказала ни слова, пока не закончила.

– Похоже, он твердо намерен развязать войну, – произнесла фрау Винтер ровным голосом, не отворачиваясь от пишущей машинки.

– Да. А англичане в равной степени намерены избежать ее. К сожалению.

– Вот. – Она извлекла из машинки последнюю страницу. – Идите.

Коридор по-прежнему был пуст. Пауль стремительно проделал весь путь обратно, и едва достиг последнего пролета ведущей в вестибюль лестницы, как заметил спешащую к нему по мраморному полу фигуру в черном мундире СС. Голова штурмбаннфюрера Зауэра из личного офиса Риббентропа была опущена, и на миг Хартманн взвешивал возможность избежать встречи, но потом Зауэр поднял взгляд и узнал молодого человека. Лицо его приняло удивленное выражение.

– Хартманн?

Офицер был примерно ровесником Паулю, с белесым лицом, из которого словно откачали большую часть красок, – блондин с бледной кожей и светло-голубыми глазами.

Не зная, что ответить, Хартманн вскинул руку:

– Хайль Гитлер!

– Хайль Гитлер! – машинально отозвался Зауэр. Но потом пристально посмотрел на собеседника. – Разве вам не полагается быть в английском посольстве?

– Как раз туда направляюсь.

Хартманн прыжком одолел последние ступеньки и устремился к главному входу.

– Бога ради, Хартманн, поторопитесь! – крикнул ему вслед Зауэр. – Судьба рейха на кону...

Пауль был уже на улице и шагал вдоль здания. В мыслях мелькали картины: Зауэр бежит за ним, окликает, выхватывает пистолет, приказывает остановиться и вывернуть карманы, находит записную книжку... Пауль велел себе успокоиться. Он третий секретарь Английского департамента, среди прочего несущий ответственность за перевод. Если при нем обнаружат копию официального письма британскому премьер-министру, которое в любом случае окажется в Лондоне меньше чем через час, едва ли это сочтут изменой. Он сумеет выкрутиться. Как почти из любой ситуации.

По пяти сильно стертым каменным ступенькам Пауль взбежал к входу в английское посольство. Внутреннее пространство большого портика освещалось одиночной тусклой лампочкой. Железные двери были заперты. Он нажал на кнопку и услышал где-то внутри здания звонок. Звук стих. Такая тишина! Даже в стоящем через улицу «Адлоне», самом фешенебельном из больших берлинских отелей, было тихо. Казалось, весь город затаил дыхание.

Наконец до Хартманна донеслись звяканье отпираемого засова и щелчок замка. Из-за двери высунулась голова молодого человека.

– У меня срочное послание из рейхсканцелярии, которое я должен передать послу или первому секретарю лично в руки, – по-английски сказал Пауль.

– Разумеется. Мы вас ждали.

Хартманн вошел и поднялся по еще одному пролету ступенек во внушительный вестибюль, высотой в два этажа, с овальной стеклянной крышей. Здание построил в прошлом веке один знаменитый железнодорожный магнат, вскоре после этого разорившийся. До сих пор здесь сохранялась атмосфера крикливой роскоши: не одна, а две лестницы с фарфоровыми балюстрадами вели наверх, огибая две противоположные стены и встречаясь в центре. По левому пролету с легкостью Фреда Астера спускался высокий худошавый мужчина; франтоватую фигуру облакал смокинг с красной гвоздикой в петлице. Он курил сигарету в нефритовом мундштуке.

– Добрый вечер! Герр Хартманн, если не ошибаюсь?

– Добрый вечер, ваше превосходительство. Он самый. Я доставил ответ фюрера премьер-министру.

– Чудесно.

Английский посол взял конверт, быстро извлек три машинописные страницы и не сходя с места принялся читать. Глаза его стремительно бегали по строчкам. Продолговатое лицо с обвислыми усами, и без того носившее печать меланхолии, вытянулось еще сильнее. Посол бурчал что-то себе под нос. Закончив, он вздохнул, снова сунул мундштук в зубы и устремил взгляд в небо. Сигарета была ароматная, турецкая.

– Статс-секретарь просил обратить ваше особое внимание на заключительное предложение, сэр Невил, – сказал Хартманн. – По его словам, это было нелегко.

Хендерсон снова посмотрел на последнюю страницу.

– Не велика соломинка, чтобы за нее цепляться, но хотя бы что-то. – Сэр Невил передал письмо своему молодому помощнику. – Переведите и немедленно отправьте телеграфом в Лондон, будьте добры. Шифровать нет необходимости.

Он настоял на том, чтобы проводить Хартманна до дверей. Манеры посла были так же безупречны, как его костюм. По слухам, он был любовником югославского принца Павла. Однажды Хендерсон заявился в рейхсканцелярию в малиновом свитере под светло-серым пиджаком; Гитлер, как говорят, несколько недель вспоминал о том случае. О чем думают эти англичане, когда посылают таких людей вести дела с нацистами?

На пороге сэр Невил пожал Хартманну руку.

– Передайте барону фон Вайцеккеру, что я ценю его усилия. – Его взгляд устремился вдоль Вильгельмштрассе. – Странно подумать, что к концу недели нас тут может уже не быть. Не могу сказать, что так уж сильно пожалею об этом.

Он в последний раз затянулся сигаретой, затем аккуратно зажал ее между большим и указательным пальцем, извлек из мундштука и бросил на мостовую, вызвав фонтанчик оранжевых искр.

5

Супруги Легат жили в съемном домике с террасами на Норт-стрит в Вестминстере. Его для них подыскал бывший начальник Хью по главному департаменту Форин-офис, Ральф Уигрем, который обитал с женой и сыном в конце той же улицы. Близость к конторе составляла немалое удобство: Уигрем требовал от младших клерков много работать, и Легату хватало десяти минут, чтобы проделать путь от двери дома до стола в кабинете. Недостатков же было не перечесть, и причиной их был главным образом двухвековой возраст здания. От Темзы его отделяло всего около ста ярдов, грунтовые воды стояли высоко. Сырость поднималась от земли навстречу дождевой влаге, стекавшей с кровли. Мебель приходилось расставлять с умом, чтобы замаскировать темно-зеленые пятна плесени. Кухня была оборудована в начале века. И все-таки Памела любила этот дом. На их улице жила леди Коулфакс, которая летом устраивала вечеринки при свечах на мостовой и приглашала Легатов. Это было безумие: Хью зарабатывал всего триста фунтов в год. Им приходилось сдавать цокольный этаж, чтобы уплатить аренду, однако они исхитрились получить доступ в миниатюрный сад, куда попадали по шатким порожкам из окна гостиной. С помощью веревки и корзины для белья Легат смастерил лифт и спускал детей в сад играть.

То было некогда очень романтическое, но ныне явно ненужное приспособление, символизирующее общее состояние его брака – как думал Легат, спеша домой за «ночной» сумкой. После выступления премьер-министра не прошло еще и часа.

Избранный им путь, как и всегда, пролегал мимо дома Уигремов в конце улицы. Большая часть домов с плоскими фронтонами почернели от сажи, в фасадах кое-где светились уставленные геранью окошки. А вот номер четвертый выглядел пустым и заброшенным. Вот уже много месяцев белые ставни за узкими георгианскими рамами были закрыты. Хью вдруг страшно, с почти осязаемой тоской захотелось, чтобы Уигрем по-прежнему жил там. Ведь это именно Уигрем, как никто другой, предугадал теперешний кризис. Он, если быть честным, предсказывал наступление оногo с одержимостью пророка, и даже Легат, всегда любивший начальника, считал его слегка помешавшимся на теме Гитлера. Хью не составило труда вызвать образ Уигрема в памяти: пронизательные голубые глаза, пшеничные усы, тонкие волевые губы. Но еще проще ему было не увидеть, а услышать шефа, ковляющего по коридору к кабинету третьего секретаря. Сначала твердый шаг, потом звук волочащейся левой ноги, потом стук трости, предупреждающий о его приближении. И всегда одно и то же на устах: Гитлер, Гитлер, Гитлер. Когда немцы ремилитаризовали в 1936 году Рейнскую область, Уигрем добился аудиенции у премьер-министра Стэнли Болдуина и предупредил, что, по его мнению, сейчас у союзников есть последняя возможность остановить нацистов. ПМ ответил так: если есть хотя бы один шанс из ста, что ультиматум приведет к войне, он не пойдет на риск – страна не выдержит другого конфликта так скоро после окончания предыдущего. В отчаянии Уигрем пришел домой на Норт-стрит и в сердцах бросил жене: «Теперь жди, когда на этот домик посыплются бомбы». Девять месяцев спустя, в возрасте сорока шести лет, он был найден мертвым в своей ванной. Погиб ли он от собственной руки или от осложнения полиомиелита, убивавшего его последние десять лет, – об этом, видимо, никто никогда не узнает.

«Эх, Ральф, – думал Легат. – Бедный калека Ральф, ты предвидел все это».

Хью вошел в дом и повернул выключатель. По привычке поздоровался и стал ждать ответа. Но сам видел: все ушли, причем, судя по всему, в спешке. Шелковый жакет, в котором Памела приходила в ресторан, был наброшен на стойку перил внизу лестницы. Трехколесный велосипед Джона валялся на боку и перегораживал проход. Легат поднял его. Ступени поскрипывали и потрескивали под его шагами. Дерево подгнило. Соседи жаловались на сырость, распространяющуюся от смежной стены. И все же Памеле каким-то образом удавалось придать

жилью шик: изобилие персидских ковров и портьеры из алой камки, павлиньи и страусовые перья, бисер и старинное кружево. У нее есть вкус – это точно: сама леди Коулфакс признала это. Как-то ночью жена оставила весь дом ароматическими свечами и превратила его в сказочную страну. Но поутру запах сырости вернулся.

Хью прошел в спальню. Лампа не работала, но благодаря свету с лестничной площадки он видел, куда идти. Ее вещи были кучей свалены на кровать и даже разбросаны по полу. На пути в ванную ему пришлось перешагнуть через комплект нижнего белья. Легат упаковал в несессер бритву, кисточку, мыло, зубную щетку и зубной порошок и вернулся в спальню искать рубашку. Вниз по Норт-стрит медленно ехал автомобиль. По звуку мотора Хью понял, что включена низкая передача. Фары осветили потолок, спроецировали на противоположной стене абрис окна; темные линии перемещались, как тени солнечных часов. Легат замер с рубашкой в руках и прислушался. Машина вроде как остановилась напротив, но двигатель продолжал работать. Легат подошел к окну.

Автомобиль был маленький, с двумя дверцами; пассажирская была открыта. Хью услышал стук внизу. Секунду спустя от дома стремительно отделилась фигура в шляпе и темном плаще, согнулась, влезая в машину, и захлопнула дверь.

Легат в два шага пересек спальню, запрыгал по лестнице через три ступеньки, наскочил на трехколесный велосипед и едва не растянулся во весь рост. Когда он открыл входную дверь, автомобиль уже сворачивал за угол на Грейт-Питер-стрит. Секунду или две Хью глядел ему вслед, переводя дух, потом наклонился и поднял с коврика конверт. Тот был плотным, официальным по виду. Судебное отправление, быть может? Его фамилия была указана с ошибками: Леггатт.

С конвертом в руках он вошел в гостиную и сел на софу. Клапан сразу открывать не стал – вместо этого разорвал двумя пальцами сбоку и заглянул внутрь. Это был его метод подготовиться к дурным финансовым новостям. В глаза бросился отпечатанный на машинке заголовок:

Berlin. Mai. 30. 1938

OKWNo. 42/38. g. Kdos. Chefsache (Streng geheim, Militär) L I

Спустя десять минут он уже возвращался в контору. Везде ему виделись тревожные знаки: рубиновое ожерелье габаритных огней машин по Маршем-стрит у бензозаправки – это водители выстроились в очередь за топливом; гимн, льющийся из открытого окна в мощеном дворе Вестминстерского аббатства, где шло при свечах бдение о мире; серебристый свет камер кинохроник, обрисовывающий на фоне стен Даунинг-стрит черный безмолвный силуэт толпы.

Он опаздывал. Ему пришлось протискиваться к дому номер десять, держа сумку над головой. «Простите... Извините...» Но, едва оказавшись внутри, Хью понял, что старался напрасно. Первый этаж был пуст. Министры уже отбыли на заседание кабинета в 21:30.

Клеверли на месте не было. Легат постоял немного в коридоре, соображая, как поступить. Сайерса он нашел за столом: тот курил сигарету и смотрел в окно. Потом заметил в стекле отражение молодого коллеги.

– Привет, Хью.

– Где Клеверли?

– В зале заседаний, вызван на случай, если министры решат отправить чехам телеграмму

Хораса.

– Кадоган тоже там?

– Его я не видел. – Сайерс повернулся. – У вас голос слегка переутомленный. Вы в норме?

– Вполне. – Легат показал сумку. – Просто бегал домой взять кое-какие вещи.

И ушел, пока Сайерс не успел спросить о чем-нибудь еще. У себя в кабинете он открыл сумку и достал конверт. Изменой выглядела уже попытка пронести его в здание: если его обна-

ружат при нем, жди беды. Следует передать послание по цепочке, сбить с рук как можно скорее.

Через четверть часа Легат пересекал Даунинг-стрит, теперь уже более бесцеремонно прокладывая себе путь сквозь скопище зевак. Пройдя через большие чугунные ворота на противоположной стороне улицы, он очутился в обширном квадрате, образованном зданиями ведомств. В каждом горели окна: в Министерстве по делам колоний внизу в левом углу, в Министерстве внутренних дел слева наверху, в министерстве по делам Индии на верхнем этаже справа, а прямо перед ним порожки вели к входу в Форин-офис. Ночной швейцар кивнул гостю.

Коридор был просторный и высокий, в викторианском имперском стиле. Его экстравагантность призвана была впечатлять тех несчастных, кому не привелось родиться британцами. Кабинет постоянного заместителя министра располагался в углу первого этажа, выходя на Даунинг-стрит одной стеной и на Хорс-Гардс-роуд – другой. Близость расположения служит индексом власти, и для Форин-офис составляло предмет гордости то, что его ПЗМ сидит прямо напротив зала заседаний кабинета министров и может явиться по вызову за полторы минуты.

Мисс Маршан, старший дежурный секретарь, находилась во внешнем кабинете одна. Обычно она работала наверху у близорукого помощника Кадогана, Орма Сарджента, известного всем под прозвищем Крот.

Легат слегка запыхался.

– Мне нужно увидеть сэра Александра. Дело очень срочное.

– Боюсь, он слишком занят, чтобы кого-либо принимать.

– Пожалуйста, передайте ему, что это дело величайшей государственной важности.

Это клише, избитое, как цепочка от часов на черном костюме, вырвалось у него само собой. Хью слегка расставил ноги. Пусть он хватает воздух и чином не вышел, так просто его не свернуть. Мисс Маршан удивленно заморгала, помедлила, затем встала и тихо постучала в дверь кабинета ПЗМ. Потом просунула внутрь голову. Расслышать он мог только ее слова:

– Мистер Легат просит принять его.

Пауза.

– Говорит, что это очень важно.

Еще одна пауза.

– Да, думаю, вам стоит.

Из кабинета донеслось громкое ворчание.

Женщина посторонилась, пропуская Хью. Проходя мимо, он бросил на нее взгляд, исполненный такой благодарности, что она покраснела.

Простор комнаты – потолок уходил ввысь футов на двадцать самое меньшее – подчеркивал миниатюрность сэра Александра. Кадоган сидел не за своим письменным столом, а за столом для совещаний. Тот был почти целиком завален бумагами разных цветов: белый означал записки и телеграммы, светло-синий – черновики, розовато-лиловый – донесения, зеленовато-голубой – документы кабинета министров. Островками встречались крупного формата коричневые папки, перевязанные розовыми ленточками. На носу у постоянного заместителя министра сидела пара круглых очков в роговой оправе, поверх которых на Легата был устремлен несколько раздраженный взгляд.

– Итак?

– Прошу извинить за беспокойство, сэр Александр, но я счел, что вам следует увидеть это немедленно.

– О боже, что там еще?

Кадоган протянул руку, взял пять машинописных страниц, пробежал первую строчку:

Auf Anordnung des Obersten Befehlshabers der Wehrmacht.

Он нахмурился, затем перелистал в конец:

gez. ADOLF HITLER

Für die Richtigkeit der Abschrift:

ZEITZLER, Oberstleutnant des Generalstabs

И Легат с удовлетворением заметил, как заместитель министра выпрямился в кресле.

Документ представлял собой директиву Гитлера: «Война на два фронта с главным направлением наступления на юго-восток, стратегический план „Грюн“».

– Где, черт побери, вы это раздобыли?

– Мне это сунули в домашний почтовый ящик с полчаса тому назад.

– Кто?

– Я их не разглядел. Человек в машине. Двое, если точнее.

– И записки не было?

– Ни строчки.

Кадоган расчистил пространство на столе, положил документ перед собой и склонил над ним свою непропорционально большую голову. Он читал с предельной концентрацией, прижав кулаки к вискам. Немецким сэр Александр владел в совершенстве – был послом в Вене летом 1914 года, когда произошло убийство эрцгерцога Франца Фердинанда.

Предельно важно в течение двух или трех первых дней создать ситуацию, которая продемонстрирует желающим вмешаться странам безнадёжность военного положения чехов...

Войсковые соединения, способные к стремительным передвижениям, должны быстро и энергично форсировать приграничные укрепления и весьма дерзко углубиться в Чехословакию, будучи уверены, что основная масса мобильной армии последует за ними со всей возможной скоростью...

Главные силы люфтваффе должны быть задействованы во внезапном нападении на Чехословакию. Самолеты должны пересечь границу одновременно с первыми частями сухопутной армии...

Закончив чтение очередной страницы, Кадоган переворачивал ее и аккуратно клал справа от себя. Дойдя до конца, собрал листы в стопку.

– Чрезвычайно интересно, – пробормотал дипломат. – Как полагаю, первый вопрос, который мы должны себе задать, подлинный это документ или нет.

– Мне он определенно кажется таковым.

– Согласен. – Постоянный заместитель министра снова внимательно посмотрел на первую страницу. – Итак, он датирован тридцатым мая.

Он пробежал пальцем по строке, переводя с немецкого:

– «Моим непоколебимым решением является расчленение Чехословакии в ближайшем будущем путем проведения военной кампании». Звучит вполне по-гитлеровски. Собственно говоря, это почти слово в слово то, что он заявил Хорасу Уилсону сегодня утром. – Кадоган откинулся на спинку кресла. – Так что, исходя из предположения о подлинности этого документа, что мы, думаю, вполне можем допустить, возникают три принципиальных вопроса: кто передал его нам, зачем его нам передали и, самое главное, почему его передали именно вам?

И снова Легат испытал странное чувство вины, как будто, просто получив этот документ, он уже бросил на себя тень подозрения. Он предпочел бы не думать, откуда взялась эта бумага.

– Боюсь, я не в силах ответить ни на один из них.

– Касательно того, кто это сделал, мы можем не без основания предположить, что это некая оппозиция Гитлеру. Несколько противников режима вступили с нами в контакт минувшим летом, заявив, что готовы свергнуть нацистов при условии нашей твердой позиции по Чехословакии. Не берусь утверждать, что это достаточно сплоченная группа: горстка недоволь-

ных дипломатов да аристократы, мечтающие о возрождении монархии. Это первый случай, когда мы получаем от них нечто определенное – да и сей документ едва ли сообщает нам многое сверх того, что мы и так знали. Гитлер намерен уничтожить Чехословакию и хочет сделать это быстро – это вовсе не тайна.

Он снял очки и сунул в рот дужку, пристально глядя на Легата.

– Когда вы в последний раз были в Германии?

– Шесть лет назад.

– Поддерживаете связь с кем-нибудь там?

– Нет. – Тут Легат, по крайней мере, говорил правду.

– Насколько помнится, во время первого своего назначения от Главного департамента вы были в Вене. Это так?

– Да, сэр. С тридцать пятого по тридцать седьмой.

– Обзавелись друзьями?

– Не особо. У нас был маленький ребенок, и жена ждала нашего второго. Нам своих забот хватало.

– Что до германского посольства в Лондоне – знаете кого-нибудь из штата?

– Нет, едва ли.

– Тогда я не понимаю. Откуда немцы вообще могут знать, что вы работаете на Даунинг-стрит, десять?

– От моей жены, быть может? – Легат пожал плечами. – Она время от времени всплывает в светской хронике. Иногда мелькает и мое имя.

Не далее как на прошлой неделе «Дейли экспресс» – при воспоминании Хью залился краской стыда – разместила статейку о вечеринке у леди Коулфакс, где он был обрисован как «один из одареннейших молодых сотрудников Форин-офис, теперь работающий помощником у ПМ».

– Светская хроника? – Постоянный заместитель министра повторил это выражение неприязненно, как если бы имел дело с чем-то гадким, к чему стоит прикасаться только щипцами. – Это что еще такое?

Легат не брался определить, шутит сэр Александр или говорит всерьез. Но прежде чем успел ответить, раздался стук в дверь.

– Войдите!

Мисс Маршан внесла папку:

– Только что доставили телеграмму из Берлина.

– Наконец-то! – Кадоган едва не вырвал папку у нее из рук. – Я ее весь вечер жду.

Снова он положил документ на стол и склонил над ним большую голову, читая с таким напряжением, что казалось, вот-вот упадет на страницу.

– Сволочь... сволочь... сволочь! – бормотал Кадоган себе под нос.

С самого начала кризиса заместитель министра не уходил с работы раньше полуночи. Хью удивлялся, как удается ему выдерживать напряжение. Наконец сэр Александр поднял взгляд:

– Последние новости от Гитлера. ПМ должен увидеть это немедленно. Вы ведь идете в номер десять?

– Да, сэр.

Кадоган сунул телеграмму обратно в папку и передал молодому человеку.

– Что касается другого дела, я приму меры, и посмотрим, что смогут выяснять наши люди. Уверен, завтра они захотят пообщаться с вами. Обдумайте все как следует. Попробуйте сообразить, кто за всем этим стоит.

– Да, сэр.

Кадоган потянулся за другой папкой.

Согласно протоколам кабинета, телеграмма № 545 из Берлина (письмо из рейхсканцелярии премьер-министру) была передана Чемберлену вскоре после 22:00. Все места вокруг стола в зале заседаний были заняты: двадцать министров в общей сложности, не считая Хораса Уилсона, который в качестве особого советника докладывал о своей встрече с Гитлером, а также секретаря кабинета министров Эдварда Бриджеса, педантичного очкарика, отец которого был поэтом-лауреатом⁶. Многие курили. Большое подъемное окно в сад было открыто в попытке развеять смог от сигар, сигарет и трубок. Теплый ночной ветерок время от времени шевелил бумаги, разложенные на столе и валяющиеся на ковре.

Когда Легат вошел, говорил лорд Галифакс. Хью потихоньку приблизился к премьер-министру и положил перед ним телеграмму. Чемберлен, слушавший министра иностранных дел, кивнул и легким наклоном головы велел Легату идти и сесть среди других служащих, разместившихся на поставленных рядком у дальней стены стульях. Два занимали стенографисты из секретариата кабинета министров – оба строчили перьями, – на третьем восседал Клеверли. Подбородок его свисал на грудь, руки и ноги были скрещены, правая нога слегка подрагивала. Когда Легат сел рядом, он поднял тяжелый взгляд, наклонился и прошептал:

– Что это?

– Ответ Гитлера.

– Что пишет?

– Увы, я не посмотрел.

– Упущение с вашей стороны. Будем надеяться, что хорошие новости. Боюсь, бедному ПМ и так забот хватает.

Боковым зрением Легат наблюдал за Чемберленом. Тот надел очки и читал письмо Гитлера. Министра иностранных дел, сидевшего напротив ПМ, видно не было, зато слышался его голос с безошибочно узнаваемыми раскатистыми «р» и назидательным тоном, словно он держал речь с невидимой кафедры.

– ...А потому я с огромным сожалением заявляю, что по зрелом рассуждении не могу поддержать премьер-министра в данном конкретном случае. По моему мнению, отправка телеграммы в редакции сэра Хораса сулит громадные неприятности. Сообщить чехам, что они немедленно, под угрозой применения силы должны уступить свою территорию, будет приравниваться, как я считаю, к полной капитуляции.

Он сделал паузу и выпил глоток воды. Атмосфера за столом ощутимо сгушалась. Святой Лис сбросил маску! Некоторые из министров даже подались вперед, опасаясь, что неверно расслышали.

– Я прекрасно понимаю, – продолжил Галифакс, – что, если мы не отошлем телеграмму сэра Хораса, последствия могут быть ужасны для миллионов людей, включая наших соотечественников. Война может стать неизбежной. Но мы просто не вправе побуждать чехов к тому, что сами считаем неправильным. Сомневаюсь также, что палата общин согласится с таким решением. И последнее, а также ключевое в моем понимании соображение. Мы не можем дать чехам гарантий, что немецкая армия удовольствуется выходом на границы Судетской области и не оккупирует всю страну.

Все взоры обратились на Чемберлена. В профиль седые брови и усы казались ошетиленными, похожий на клюв хищной птицы нос вызывающе вскинулся. Возражения пришлись ему не по вкусу.

Легат гадал, не выйдет ли премьер из себя. Такого ему видеть пока не доводилось. Говаривали, что в редких случаях, когда это происходило, зрелище было впечатляющим. Но вместо этого Чемберлен произнес ледяным тоном:

⁶ Поэт-лауреат – почетное звание придворного поэта в Великобритании.

– Министр иностранных дел привел только что серьезные и, возможно, даже убедительные доводы против моего предложения, хотя мне кажется, это последний оставшийся у нас шанс. – Он обвел взглядом лица сидящих за столом. – Но если таково общее мнение коллег...

Премьер сделал паузу, как аукционист, ожидающий окончательного предложения. Все молчали.

– Если таково общее мнение, – повторил он, и в голосе его слышалась горечь поражения, – то я готов подчиниться. – Его взгляд обратился на Хораса Уилсона. – Телеграмма послана не будет.

Последовал общий скрип стульев и шорох собираемых бумаг. Этот звук производили мирные люди, против воли готовящиеся к войне. Голос премьер-министра перекрыл шум. Заседание еще не закончилось.

– Прежде чем мы продолжим, мне следует известить кабинет о только что полученном ответе от герра Гитлера. Думаю, будет целесообразно зачитать его прямо сейчас.

Некоторые из наиболее подобоострастных членов правительства: лорд-канцлер Моэм, «Трясучка» Моррисон из Министерства сельского хозяйства – разразились возгласами: «Да! Разумеется!»

Премьер-министр взял телеграмму.

– «Уважаемый мистер Чемберлен! В ходе переговоров я в очередной раз известил сэра Хораса Уилсона, передавшего мне ваше письмо от двадцать шестого сентября, о моем окончательном решении...»

Было неудобно слышать требования Гитлера из уст Чемберлена. Так они казались вполне разумными. И вообще, почему чешское правительство должно возражать против немедленной оккупации немцами территорий, которые они в принципе уже согласились передать Германии?

– «...Это представляет собой не более чем обеспечительную меру, предпринимаемую с целью как можно скорее и легче прийти к окончательному соглашению...»

И верно, когда чехи жалуются на утрату приграничных оборонительных сооружений, разве не очевидно всему миру, что они просто-напросто тянут время?

– «...Если поставить окончательное решение вопроса в зависимость от завершения Чехословакией новых оборонительных сооружений на остающихся у нее землях, это несомненно займет месяцы и годы.»

И так далее. Впечатление создавалось такое, будто Гитлер самолично заседает за столом кабинета и излагает свою позицию. Закончив, премьер-министр снял очки.

– Да, послание составлено в очень осторожных выражениях и требует времени для анализа, но оно не лишает меня последней надежды.

Дафф Купер, первый лорд адмиралтейства, сразу кинулся в бой:

– Напротив, премьер-министр! Гитлер не сделал уступки ни по одному пункту!

Это был вызывающего поведения субъект, который даже в полдень источал смутный аромат перегара, сигар и духов чужих жен. Лицо его покраснелось. Легат не знал, гнев тому причиной или спиртное.

– Возможно, это так, – согласился Галифакс. – Примечательно, однако, что он и не захлопнул за собой дверь. В заключение Гитлер приглашает премьер-министра продолжить усилия по сохранению мира.

– Да, но в весьма прохладной манере: «Предоставляю вам решать, стоит ли продолжать эти усилия». Гитлера это явно ничуть не волнует. Он просто пытается переложить вину за свою агрессию на чехов.

– Что, кстати, само по себе не лишено смысла. Как вытекает отсюда, даже Гитлер чувствует, что не может совершенно игнорировать мнение международного сообщества.

«Только поглядите, как Святой Лис умеет путать след, – подумал Легат. – Минуту назад ратовал за войну, теперь – за мир».

– Спасибо, господин министр, – сказал Чемберлен. Тон у него был ледяной – было ясно, что он не простил Галифакса. – Вам мои убеждения известны. Я намерен бороться за мир до последней возможности. – Он оглянулся через плечо на часы. – Время позднее. Мне нужно подготовиться к завтрашнему выступлению в парламенте. Определенно, мне стоит пойти дальше, чем в обращении по радио сегодня вечером. Палату следует проинформировать о сделанном нами утром предупреждении Гитлеру. Как понимаю, мы сообща договорились о словах, которые я буду использовать.

Поймав взгляд Легата, премьер кивнул ему, давая знак подойти:

– Вы не окажете любезность разыскать экземпляр вчерашней речи Гитлера? Принесите ее мне после заседания кабинета.

Единственная версия речи Гитлера, которую Легату удалось раздобыть, была опубликована в утреннем выпуске «Таймс». Он разложил собственный экземпляр газеты на столе и разгладил ладонями. Казалось, прошла целая вечность с того часа, когда он сидел в «Ритце» и ждал прихода Памелы. Хью вспомнил вдруг, что обещал позвонить ей в деревню. Нашел глазами телефон. Видимо, теперь уже слишком поздно. Дети наверняка в постели, а Памела наверняка выпила лишний коктейль и разругалась с родителями. Кошмар сегодняшнего дня ошеломил его: скомканный обед, рабочие в Грин-парке, воздушный барраж, поднимающийся над Темзой, противогазы для детей, автомобиль, отъезжающий от тротуара на Норт-стрит... А завтра обещает стать еще хуже. Завтра немцы начнут мобилизацию, а его подвергнет допросу секретная разведывательная служба. От этих парней избавиться будет не так просто, как от Кадогана. У них должно иметься досье на него.

Донеслись голоса: похоже, заседание кабинета закончилось. Хью встал и подошел к двери. Министры выходили в коридор. Обычно после заседания раздавались взрывы смеха, хлопки по спине, иногда даже вспыхивали ссоры. Сегодня ничего такого не было. Несколько человек негромко переговаривались, но большинство политиков шло с поникшей головой и покидало номер десять поодиночке. Легат видел высокую фигуру Галифакса: тот нахлобучил котелок и вытащил из стойки зонтик. В открытую дверь лился уже знакомый белый свет юпитеров и звучали выкрики с вопросами.

Выждав, когда, по его прикидкам, премьер-министр останется один, Легат вошел в зал заседаний. Он был пуст. Мусор и душливый запах табака напомнили ему зал ожидания на железнодорожном вокзале. Дверь расположенного с правой стороны кабинета Клеверли была полуоткрыта. Хью уловил, как секретарь кабинета министров и главный личный секретарь совещаются между собой. Слева находилась запертая дверь в кабинет Хораса Уилсона. Он постучал и услышал голос Уилсона, предлагающего войти.

Уилсон сидел за боковым столом и добавлял содовую из сифона в два стакана с напитком, по виду бренди. Премьер-министр развалился в кресле, вытянув ноги и свесив руки по бокам. Глаза у него были закрыты. Когда Легат вошел, они открылись.

– Боюсь, премьер-министр, разыскать речь мне удалось только в «Таймс».

– Ну и отлично. Там я ее и читал. Черт!

Застонав от усталости, Чемберлен вынырнул из глубин кресла. Ноги плохо слушались его. Он взял газету, разложил на столе Уилсона, открыв страницу с речью; извлек из нагрудного кармана очки и забегал глазами по колонкам. Рот его слегка приоткрылся. Уилсон поднялся из-за бокового столика и любезно предложил Легату стакан. Хью покачал головой:

– Нет, спасибо, сэр Хорас.

Уилсон поставил бокал рядом с премьер-министром, потом посмотрел на Легата и слегка вскинул бровь. Было что-то почти пугающее в этом молчаливом сговоре – намек на то, что обоим им выпала роль ухаживать за пожилым человеком.

– Вот оно! – воскликнул Чемберлен. – «Нам не найти во всей Европе ни одной великой державы во главе с человеком, который лучше понимал бы горе нашего народа, чем мой большой друг Бенито Муссолини. Мы не должны забывать, что сделал он сейчас, как и позиции итальянского народа. Если подобное несчастье обрушится на Италию, я выйду к немцам и обращусь с просьбой сделать для итальянцев то, что итальянцы сделали для нас».

Премьер-министр толкнул газету через стол, чтобы Уилсон мог прочитать. Потом взял стакан и сделал глоток.

– Понимаете, что я имею в виду? – спросил он.

– Понимаю.

– Гитлер определенно не желает прислушиваться ко мне, зато вполне может послушать Муссо.

Премьер сел за стол, взял стопку писчей бумаги «номер десять» и окунул перо в чернильницу. Помедлил; отпив еще глоток, задумчиво огляделся вокруг, потом начал писать. Спустя некоторое время, не поднимая головы, Чемберлен обратился к Легату:

– Немедленно передайте это в шифровальную комнату Министерства иностранных дел, а оттуда депешу пусть сразу же отправят лорду Перту в посольство в Риме.

– Да, премьер-министр.

– Раз вы пишете послу, не стоит ли проинформировать Форин-офис? – спросил Уилсон.

– К черту Форин-офис! – Премьер-министр вытер перо, повернулся и улыбнулся Легату. – Пожалуйста, забудьте, что слышали последнее замечание. – Он протянул ему бумагу. – А когда покончите с этим, мы приступим к работе над моей речью в парламенте.

Минуту спустя Легат стремительным шагом пересекал Даунинг-стрит, направляясь в Министерство иностранных дел. Улица была пуста. Толпа рассеялась. Опустившийся на Лондон густой туман скрыл луну и звезды. До полуночи оставался час.

6

Надвигалась война или нет, но огни на Потсдамской площади еще горели. Купол развлекательного центра «Хаус фатерланд» с его кинотеатром компании «УФА» и огромным кафе расцвелились узором из четырех тысяч электрических лампочек. На громадном рекламном щите напротив здания популярный актер с блестящими черными волосами курил македонскую сигарету; надпись возле десятиметрового лица гласила: «Perfekt!»⁷

Хартманн переждал, пока проедет трамвай, потом пересек улицу, направляясь к вокзалу Банхоф. Через пять минут он уже сидел в пригородной электричке и несся сквозь ночь на юго-запад. Под стук колес ему никак не удавалось избавиться от ощущения, что за ним следят, хотя его вагон – он предпочел сесть в последний – был пуст, если не считать пары пьяных да типа из СА⁸, читающего «Фелькишер беобахтер». Пьяницы вышли в Шёненберге, преувеличенно раскланявшись с ним в дверях, и остался только штурмовик. Городские огни уплыли вдаль. Вокруг, подобно таинственным озерам, расплескалась тьма. Хартманн подозревал, что это парки. Время от времени поезд встряхивало, мелькали сполохи голубых электрических искр. Они останавливались на маленьких станциях Фриденау и Фойербахштрассе – автоматические двери открывали выход на пустые платформы. Наконец на подъезде к Штеглицу активист СА свернул газету и встал. На пути к дверям он прошел мимо Пауля. От него пахло потом, пивом и кожей. Сунув большие пальцы за ремень, штурмовик повернулся к Хартманну. Его облаченное в коричневый мундир дородное тело покачивалось в такт движениям поезда. Он напомнил Паулю куколку бабочки, готовую вот-вот лопнуть.

– Эти парни отвратительны, – заявил толстяк.

– Ну, не знаю. Выглядят они достаточно безобидными.

– Нет, их следует посадить под замок.

Двери открылись, и штурмовик сполз на платформу. Когда электричка тронулась, Хартманн выглянул в окно и увидел, как его бывший попутчик согнулся, упершись руками в колени, и блюет.

На этом отрезке деревья подступали близко к путям. Стволы серебристых берез пронеслись мимо, отсвечивая в темноте. Не составляло труда представить себя в лесу. Пауль прижимался щекой к холодному стеклу и вспоминал о доме, о детстве, о летних походах, о песнях у костра, о «Вандерфогель» и «Нибелунгенбунд»⁹, про благородную элиту и спасение нации. Вдруг ему стало весело. Еще несколько пассажиров сошли на Ботанишер Гартен, и он ощутил наконец, что остался один. На следующей остановке, Лихтерфельде Вест, он был единственным человеком на платформе, пока двери не начали уже закрываться. Тут из вагона впереди появился мужчина и успел просочиться в сужающуюся щель. Когда поезд тронулся, незнакомец оглянулся через плечо, и Хартманну бросилось в глаза угрюмое лицо с тяжелой челюстью. В Лихтерфельде размещались казармы телохранителей фюрера, «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер», – быть может, это их офицер возвращается из увольнительной. Мужчина присел, завязывая шнурок, и Пауль, проскочив мимо, быстро зашагал по платформе. Поднялся по ступенькам, прошел через пустую станцию с закрытым окошком билетной кассы и оказался на улице.

Дорогу он запомнил, прежде чем уйти с работы: направо, направо, четвертый поворот налево. Но инстинкт подсказывал ему выждать. Молодой человек пересек мощеную площадь перед станцией и остановился на другой ее стороне, у двери лавки мясника. Архитектура стан-

⁷ Превосходно! (нем.)

⁸ СА (от сокращенного немецкого Sturmabteilung – «штурмовые отряды») – военизированная организация нацистской партии.

⁹ «Вандерфогель», «Нибелунгенбунд» – немецкие бойскаутские организации.

ции была эксцентричной. Здание построили в прошлом веке, в подражание итальянской вилле. Пауль ощутил себя шпионом в чужой стране. Через полминуты появился его попутчик. Он остановился и завертел головой, как будто искал Хартманна, потом повернулся и исчез. Пауль выждал еще пять минут, потом пошел дальше.

То был приятный зеленый буржуазный пригород – совсем неподходящее место для заговорщиков. Большая часть обитателей уже погрузилась в сон, наглухо закрыв ставни. Пара собак облаяла проходящего мимо Хартманна. Он не мог понять, почему Остер назначил встречу здесь. Пауль прошел по Кёнигсбергерштрассе и свернул на Гётештрассе. Номер девять оказался простым домом с двумя фронтонами – в такой вилле мог бы жить банковский служащий или директор школы. Свет в окнах фасада не горел, и внезапно молодому человеку пришла в голову мысль, что это ловушка. В конце концов, Кордт ведь нацист. Он много лет работает на Риббентропа. Однако и сам Хартманн – член фашистской партии: если хочешь дослужиться до сколько-нибудь заметного чина, иначе никак. Пауль отбросил подозрения, открыл маленькую деревянную калитку, прошествовал по тропе до парадной двери и нажал кнопку звонка.

– Назовите себя, – раздался хорошо поставленный голос.

– Хартманн, Министерство иностранных дел.

Дверь открылась. На пороге стоял лысый мужчина лет шестидесяти, с глубоко посаженными голубыми глазами, круглыми и меланхоличными. Прямо под левым уголком губ пролегал небольшой дуэльный шрам. Лицо было правильное, интеллигентное. В своем сером костюме и при голубом галстуке мужчина походил на профессора.

– Бек, – представился он и протянул руку.

Не прекращая крепкого рукопожатия, Бек втянул Хартманна в дом, затем закрыл и запер на замок дверь.

«Боже мой! – подумал Хартманн. – Людвиг Бек! Генерал Бек, начальник Генштаба».

– Сюда, прошу. – Бек проводил его по коридору к комнате в задней части дома, где собралось пять-шесть человек. – Насколько понимаю, вы знакомы с большинством из этих господ.

– Действительно. – Хартманн кивком поприветствовал всех.

Какому напряжению должны были подвергаться эти люди, за минувшие несколько месяцев состарившиеся на годы! Тут был чиновник Кордт, чей брат Тео служил поверенным в делах в посольстве в Лондоне, тоже состоял в оппозиции и так ненавидел Риббентропа, что готов был рискнуть жизнью, лишь бы остановить его. Был полковник Остер, заместитель начальника военной разведки, обаятельный кавалерист, бывший вождем заговора, – если столь пестрая группа могла иметь вождя. Присутствовали Ганс Бернд Гизевиус, граф фон Шуленбург из министерства внутренних дел и Ганс фон Донаньи из Министерства юстиции. С шестым Пауль знаком не был, зато узнал его. Это был тот самый пассажир электрички, который завязывал на станции шнурки.

Остер подметил его удивленный взгляд.

– Это капитан Фридрих Хайнц. Не ожидал, что вы его знаете. Он из моего штата в абвере. Наш «человек действия», – добавил полковник с улыбкой.

В этом Хартманн не сомневался. У парня из абвера было лицо боксера, участника многих боев.

– Мы встречались, – сказал Пауль. – Некоторым образом.

Он опустился на софу. В комнате было тесно и угнетающе жарко. Окно закрывали тяжелые бархатные шторы. Полки ломились от романов – не только на немецком, но и на французском – и томов по философии. На столе стоял графин с водой и несколько стаканчиков.

– Я рад, что генерал Бек согласился посетить нас сегодня, – заявил Остер. – Как я понимаю, генерал хочет кое-что сказать.

Бек уселся в жесткое деревянное кресло и благодаря ему оказался немного выше остальных.

– Только полковнику Остеру и герру Гизевигу известно то, что я собираюсь доложить вам. – Голос у него был сухой, отрывистый, четкий. – Неполных полтора месяца назад я подал в отставку с поста начальника Генерального штаба в знак несогласия с планом войны с Чехословакией. Вы могли не знать об этом моем поступке, потому что я обещал фюреру не сообщать о нем публично. Теперь я жалею, что согласился на его просьбу, но что сделано, то сделано: я дал слово. Тем не менее я поддерживаю контакт с моими бывшими коллегами в верховном командовании и довожу до вашего сведения, что там существует сильная оппозиция происходящему. Настолько сильная, что если Гитлер отдаст завтра приказ о мобилизации, то, по моему мнению, существует серьезный шанс, что армия ослушается приказа и вместо этого обратится против режима.

Наступило молчание. Хартманн чувствовал, как часто-часто забилося сердце.

– Такой поворот определенно меняет все, – сказал Остер. – Теперь нам стоит приготовиться к решительным действиям завтра. Лучшего шанса у нас может не быть.

– И как должен произойти этот «переворот»? – осведомился Кордт скептически.

– Посредством одного удара – ареста Гитлера.

– Это сделает армия?

– Нет. Это должны сделать мы.

– Но кто, кроме армии, располагает способностью осуществить такое мероприятие?

– Проблема вермахта в том, что мы принесли присягу на верность фюреру, – вмешался Бек. – Однако, если в рейхсканцелярии разразятся некие волнения, армия определенно сможет вмешаться, чтобы восстановить порядок. Это не будет противоречить нашей клятве. Просто первый шаг против Гитлера обязаны сделать не мы. Инициатива должна исходить от кого-то еще.

– Я несколько недель просчитывал ситуацию, – заявил Остер. – На самом деле для ареста Гитлера нам не потребуется много людей, при учете допущения, что армия прикроет нас от попытки вмешательства со стороны СС. По оценке капитана Хайнца и моей, на начальном этапе нам хватит примерно пятидесяти человек.

– И откуда у нас возьмутся эти пятьдесят человек? – спросил Кордт.

– Они уже есть, – ответил Хайнц. – Испытанные бойцы, готовые выступить завтра.

– Боже правый! – Кордт посмотрел на капитана так, будто тот спятил. – Кто это такие? Где они? Как вооружены?

– Абвер обеспечит их оружием, – сказал Остер. – Также мы подыщем для них безопасный дом поблизости от Вильгельмштрассе, где они будут ждать сигнала к выступлению.

– На позицию они выдвинутся завтра на рассвете, – подхватил Хайнц. – Каждый из них – надежный товарищ, известный мне лично. Не забывайте, что я дрался вместе с Каппом в 1920 году¹⁰, потом со «Штальхельмом»¹¹.

– Все так. Если кто-то сможет все это устроить, так это Хайнц.

Хартманн лишь поверхностно знал Шуленбурга. Социалист-аристократ, тот примкнул к партии до прихода ее к власти, а после этого быстро растерял иллюзии. Ныне он занимался какой-то малозначительной полицейской работой в Министерстве внутренних дел.

– И вы полагаете, генерал, – сказал Шуленбург, – что армия повернется против Гитлера после всего сделанного им для нее и для Германии?

– Готов согласиться, что его достижения во внешней политике весьма примечательны: возвращение Рейнской области, присоединение Австрии. Но дело в том, что все это были бескровные победы. И возвращение Судетенланда тоже может быть бескровным. К сожалению, он больше не намерен достигать цели мирными средствами. Правда, которую я осознал этим

¹⁰ Имеется в виду антиреспубликанский путч Вольфганга Каппа в марте 1920 г.

¹¹ «Штальхельм» (нем. «Стальной шлем») – реакционная монархическая организация офицеров и фронтовиков.

летом, заключается в том, что Гитлер действительно хочет войны с Чехословакией. Он вообразил себя гениальным полководцем, хотя дослужился всего лишь до капрала. Вы никогда не поймете этого человека, если не примете в расчет этой стороны. И по одному пункту армия единодушна: начать в этом году войну против Франции и Англии означает подтолкнуть Германию к катастрофе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.